ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

№ 3
(124)
2018

Фотажурналіст Вадзім Заміроўскі перамог у творчым конкурсе «Вольнае слова». Але ягоны рэпартаж пра беларусаў, што ваююць на ўсходзе Украіны, Міністэрства інфармацыі палічыла «здольным нанесці шкоду нацыянальным інтарэсам краіны».

(чытайце ў нумары)

«Вольнае слова» і забаронены рэпартаж

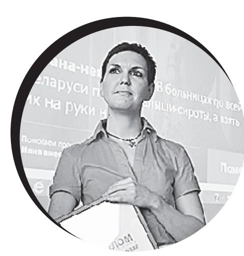

Фотарэпартаж Вадзіма Заміроўскага пра беларусаў, што ваююць на Данбасе, журы конкурса «Вольнае слова», які праводзіць ГА БАЖ, прызнала лепшым у намінацыі «Інфармацыйныя жанры».

Рэпартаж быў апублікаваны ўзімку 2017 года TUT.BY, дзе Заміроўскі працуе фотакарэспандэнтам. TUT.BY пазначыў, што матэрыял не адлюстроўвае стаўленне рэдакцыі да канфлікту на ўсходзе Украіны, і падкрэсліў: беларускі закон забараняе грамадзянам Беларусі ваяваць за мяжой.

Але Міністэрства інфармацыі вынесла TUT.BY пісьмовае папярэджанне: рэпартаж, на меркаванне Міністэрства, «здольны нанесці шкоду нацыянальным інтарэсам краіны».

Рэдакцыя зняла публікацыю, падпарадкоўваючыся заканадаўству аб СМІ.

У намінацыі «Інфармацыйныя жанры» таксама перамаглі Алесь Пілецкі, Зміцер Лукашук («Еўрарадыё») з цыклам матэрыялаў пра становішча ў Крыме і Васіль Мацкевіч («Медиа-Полесье»).

У намінацыі «Аналітычныя жанры» лаўрэатамі «Вольнага слова» сталі Адар'я Гуштын (Naviny.by), Аляксандр Класкоўскі (Naviny.by), Руслан Гарбачоў («Салідарнасць»).

Журналісты праекта «Имена» Кацярына Кісялёва, Вольга Дэксніс, Таццяна Дарашчонак перамаглі ў намінацыі «Мастацка-публіцыстычныя жанры».

За журналісцкае расследаванне ўзнагароджаны Арцём Гарбацэвіч («Наша Ніва»), Станіслаў Івашкевіч і Кацярына Андрэева («Белсат»).

У намінацыі «Дэбют» перамаглі Максім Гарда («Медиа-Полесье»), Валер Тамілін («Салідарнасць»), Аксана Ярашонак («Рэгіянальная газета»).

Увясну гэтага года ўплывовая міжнародная арганізацыя «Рэпарцёры без межаў» апублікавала Сусветны індэкс свабоды прэсы — 2017. Беларусь у ім на 153-м месцы са 180 краін.

Расследаванне Дзяніса Івашына наконт рэстарацы «Паедзем паядзім» — вельмі цікавая штука. Асэнсоўваючы падзеі, якія праходзілі цягам некалькіх месяцаў, можна адзначыць, што ўсё гэта нібыта сышло са старонак падручніка па журналістыцы.

«Справа БелТА» паказала, што любое слова з вашай прыватнай перапіскі ці тэлефоннай размовы можа стаць падставай для ўзбуджэння крымінальнай справы. Калі вы не будзеце клапаціцца пра інфармацыйную бяспеку, пад пагрозай можа апынуцца ваша рэпутацыя і нават свабода. І не толькі ваша.

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

№ 3 (124) 2018

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Скарыстаны здымкі Сяргея Балая, Вадзіма Заміроўскага, з архіваў «Абажура».

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.
Падпісана да друку 19.10.2018.
Дата выхаду 31.10.2018.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 8,0
Наклад 300 асобнікаў.
Замова № .
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/142 ад 09.01.2014, № 2/34 ад 23.12.2013.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220004, г. Мінск,
вул. Кальварыйская, 16-265.
Тэл.: (029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10,
(017) 203-53-41,
(029) 623-74-10
www.medisont.by

У адпаведнасці з Законам «Аб сродках масавай інфармацыі» аўтары нясуць адказнасць за падбор і дакладнасць фактаў, прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы ў парадку абмеркавання, не падзяляючы пункту гледжання аўтараў.

ПРОТИВО

Август 2018-го запомнится демократическому журналистскому сообществу Беларуси очередной волной задержаний и обысков. Нам, «неправильно» пишущим и снимающим, не впервой. Массовые задержания, лживые рапорты сотрудников милиции, отлаженный конвейер в судах, штрафы, сутки административного ареста, нары на Окрестина и в Жодинской тюрьме, «химия»…
За почти четверть века разное пережили. Но привыкать к такой «заботе» со стороны системы не намерены. Тем более примерять смирительную рубашку, которую с таким рвением нам постоянно предлагают.

Все просто: у нас есть совесть и стремление писать правду. А еще понимание, что, изменив себе однажды, превратишься в обслуживающего власть официанта. Прощай, профессия…

Двадцать лет противостояния. За это время сотни независимых журналистов, тысячи обычных, но неравнодушных к происходящему в стране людей подверглись преследованию за свою позицию. Это не прошло бесследно: многих мы совсем рано потеряли. Их судьбы — как оборванные струны…

А бесконечная летопись противостояния продолжается. Когда-то эту летопись прочитают дети тех, кого преследовали. И тех, кто преследовал. И сделают выводы исходя из поступков и духовного багажа, который оставили их родители. Судьями нашего времени будут именно они, а не те, кто сегодня наделен властью.

Владимир ДЗЮБА

СТОЯНИЕ

Итак…

«7 августа СК сообщил о возбуждении в отношении ряда журналистов негосударственных СМИ дела по ч. 2 ст. 349 Уголовного кодекса (несанкционированный доступ к компьютерной информации, совершенный из иной личной заинтересованности, повлекший причинение существенного вреда). В результате совершенного преступления РУП "БелТА" причинен существенный вред, выразившийся в неправомерном завладении и использовании защищенной от постороннего доступа информации, а также подрыве деловой репутации предприятия. К указанной противоправной деятельности причастны должностные лица издательского дома "Белорусская наука", ЗАО "БелаПАН", ООО "ТутБай Медиа". Сегодня по подозрению в совершении преступления задержаны Марина Золотова, Анна Калтыгина, Татьяна Коровенкова», — говорилось в сообщении пресс-службы СК.

«В течение трех дней, 7–9 августа, в редакциях независимых СМИ, а также у некоторых журналистов и редакторов прошли обыски. Были задержаны главный редактор TUT. BY Марина Золотова, редакторы портала Анна Калтыгина, Галина Уласик и Анна Ермаченок, главный редактор БелаПАН Ирина Левшина и международный обозреватель информагентства Татьяна Коровенкова, собкор "Немецкой волны" Павел Быковский и редактор интернет-сайта газеты "Белорусы и рынок" Алексей Жуков. Все они провели по несколько суток в изоляторе временного содержания на Окрестина. 27 августа большинству подозреваемых был запрещен выезд из страны», — отметил в очередном обзоре Алексей Александров, БелаПАН.

«Преступление и наказание», шконка и туалетное мыло.

Журналисты TUT.BY – об обысках и Окрестина

Немного улеглись страсти. Новости прочитаны, сюжеты по телеку посмотрены. Спасибо за поддержку, спасибо за вопросы. Впереди следствие и суд. Журналисты TUT. BY, которым несколько дней пришлось провести на допросах в СК и ИВС на Окрестина из-за так называемого дела БелТА, делятся впечатлениями последних трех дней. Насколько это возможно, с учетом подписки о неразглашении.

Анна Ермаченок,
журналист 42. TUT. BY

Семь утра, звонок в дверь, мужские голоса в прихожей. Стучат в мою спальню. Я долго разглядываю постановление на обыск, надеюсь, что все исчезнет. Но нет. Чужие люди проводят в моей комнате больше часа, заглядывают в каждую банку и коробку, аккуратно раскладывают часть моих вещей по пакетам.

После еще несколько часов в Следственном комитете. Все это время меня охраняют два сотрудника ОМОНа. Один из них между делом говорит, что удивлен моей реакцией: «От вас, как от девушки, ожидаешь хотя бы слез». Я в ответ сержусь и выдаю тираду о справедливости.

Поздно вечером нас на микроавтобусах отвозят в УВД, а оттуда — в автозаке до ИВС на Окрестина. В «распределительную» меня заводят первой. «Это подельницы, их всего четыре будет»,— говорят работники между собой. Это значит, что нам нужны раздельные «стаканы» и разные камеры. «Что за преступницы?» — слышен чей-то голос.

Досматривают очень тщательно, заглядывают под одежду. Мне достается место в пятиместной камере, там уже есть одна женщина.

Утром динамик сообщает о команде «подъем» и предлагает «выполнить физические упражнения». Мою соседку уводят, я остаюсь совсем одна. По камерам разносят туалетную бумагу и кусочки хозяйственного мыла. «Мыло у нас такое… Не с ароматом роз»,— будто извиняется контролер. Через несколько минут окошко в двери открывается и в нем появляется новенькое туалетное мыло.

Без привычки местную еду есть очень сложно. Из развлечений — мытье в раковине, прогулка по тесному дворику и чтение книги «Обожженные зоной» из местной библиотеки. Большая часть дня уходит на сон.

Вечером у меня появляются две новые соседки, обе здесь из-за наркотиков. Одна — «суточница», вторая — подозреваемая по серьезной статье. Обе с огромным интересом смотрят на сладости и шампунь, которые передали мне близкие. У них ничего такого взять с собой не получилось.

На следующее утро меня снова досматривают, в автозаке отвозят в Следственный комитет. Еще около восьми часов там — и можно идти, снаружи встречают друзья и коллеги.

Оказывается, что меня отпустили одной из последних. Мама по телефону спрашивает: «Ты что, самая главная преступница?» Если честно, не знаю, что ей ответить.

Анна Калтыгина,
редактор TUT. BY

Я рано встаю. Делаю кофе и сажусь за новости — должна быть обновлена новостная лента, чтобы тот, кто встал в 7 и 8 утра, уже мог узнать о последних событиях. А интернета нет. Через телефон подключиться не могу, через телефон супруга — тоже. Пытаюсь позвонить — сотовые не работают. Городской не работает.

— Кто-то очень важный умер? — спрашивает муж.

Я быстро одеваюсь и, даже не выпив злосчастный кофе, бегу на работу. По пути на остановку меня останавливает омоновец. Проверка личности, документы, пройдемте к машине.

В микроавтобусе два молодых человека в костюмах — из МВД. Два представителя — ОМОН: тот самый парень, что меня остановил, и девушка. Двое понятых. Эксперт из Комитета судебных экспертиз, следователь. Мне сообщают, что у меня пройдет обыск.

Открыв двери в квартире, прошу мужа поднять ребенка и увести на кухню, чтобы не испугался.

— Деньги, карточки, носители информации, телефоны, компьютеры, ноутбуки?

Все показываю, все забирают и описывают.

Уходя, прощаюсь с сыном.

— Мама, а ты куда? Уезжаешь с ними по работе? А когда вернешься?

Обещаю, что вечером, подспудно чувствуя, что обещание не сдержу.

Меня везут в Центральный аппарат Следственного комитета. Перед допросом, около 9.20, мне показывают релиз ведомства, из которого узнаю, что я: а) подозреваемая; б) задержана.

«Мы никогда не даем фамилии подозреваемых — это может нанести финансовый

и репутационный ущерб предприятию»,— всплывают у меня в голове слова главы пресс-службы СК. Угу, закон такой, что дышло,— куда повернул, туда и вышло.

В коридорах вижу то Таню Коровенкову из БелаПАН, то Галю Уласик — мою коллегу. Мне иногда сообщают содержание новостей — так я узнаю, у кого из коллег был обыск, кого задержали, волосы встают дыбом.

Потом допрос. Потом переезд в Советское РУВД, два часа в клетке, и автозак до ИВС.

ИВС на Окрестина — особый мир. О чувстве собственного достоинства можно забыть. На досмотре:

— Сымай трусы.

— Простите, у меня менструация.

— Я тоже женщина. Сымай трусы.

Наверное, это был самый унизительный момент в моей жизни. Но в целом в ИВС персонал был благожелательным, необходимые лекарства — по первому требованию, еда (сразу вспомнила слова известной певицы, что в тюрьмах у нас кормят, как в ресторанах,— очень хотела в тот момент, чтобы она попробовала этот суп и эту котлету) — есть не стала, и даже давали книги. Колас, «На ростанях», без половины страниц, и даже два каких-то триллера.

Компания в камере — первоходки. То есть до этого в анамнезе ни у кого «уголовки» не было. Наркотики (покушение на приобретение марихуаны) — а заодно фитнес-тренер, которая утром заставляла делать зарядку, 147-я (жена ударила ножом мужа, который издевался над ней 25 лет) — она следила за тем, чтобы я хотя бы пила чай.

Я всегда думала, что в таких местах люди сидят «невиноватые» — это подбросили, да он сам упал и напоролся на топор 10 раз и прочее. Нет, все говорят о том, что виноваты. И все сожалеют. И все хотели бы переиграть.

Следующий день проходит у меня в сонном состоянии. Я сплю. Все равно делать больше нечего. Приятным исключением стала прогулка — я слышала, как вызывали моих коллег по фамилиям из соседних камер. Кто-то из них совсем рядом.

Та статья, по которой я хожу подозреваемой, не предусматривает ареста — максимум 72 часа задержания. Меня должны выпустить в пятницу. А меня неожиданно отпускают в четверг — после очередного допроса. О том, что я свободна, мне говорят около трех часов дня. Выпускают после 9 вечера. Все это время вижу коллег и родных из окна кабинета. А выйти к ним не могу. И сына обнять не могу.

В жизни каждый человек совершает поступки, за которые ему стыдно. После своего освобождения я прочитала многое: и про новости, которые мы «тырим» у БелТА с нарушением авторских прав, и про то, что мои коллеги — «дамы, удобные в быту», и многое другое. Так вот, за свою работу мне не стыдно, и за каждую новость, поставленную мной, я готова отвечать — перед читателями, коллегами или СК.

За что мне действительно стыдно — за то, что я не смогла ответить на вопрос моего сына у ворот Следственного комитета вечером в четверг: «Мама, почему так долго?»

Прости, сын. И спасибо, друзья, коллеги, конкуренты и люди, которых я не слышала лет десять или которых даже не знаю,— за поддержку и добрые слова. И особый привет «подельницам» и «подельникам» по «делу БелТА».

Галина Уласик,
редактор TUT. BY

Спать ложусь уже за полночь — обычное дело для дежурящего во вторую смену редактора. Пробежать еще раз по новостной ленте — вдруг упустила, не заметила что-то нужное и важное, написать «пост сдал» утреннему дежурному, ну и мозг, к сожалению, отключить мгновенно, как ночник на прикроватной тумбочке, не всегда получается.

Вырывает из сна долгий и настойчивый звонок в дверь. Пытаясь сообразить, «кто я, где я и что происходит», натягиваю сарафан и плетусь открывать дверь. Настенные часы в прихожей показывают 6.20.

На пороге мужчина в штатском предъявляет удостоверение сотрудника МВД. Сообщает, что в доме произошла серия краж, и интересуется, могла бы я помочь и рассказать, может, что видела или слышала. В нашем тихом подъезде на шесть квартир серия краж? Новость заставляет почти проснуться. Конечно же, соглашаюсь, приглашаю зайти в квартиру. Но он остается стоять в дверном проеме и просит подождать пару минут, сейчас должен подойти следователь. Так и стоим с распахнутыми настежь дверями, разговариваем «ни о чем», пока за его спиной не появляется солидная делегация в сопровождении двух омоновцев.

Все они, уже не спрашивая разрешения, вваливаются в мою квартиру — следователь, участковый, сотрудники милиции, понятые. Мне говорят об уголовном деле и суют под нос санкцию на обыск. Первое, что вырывается:

— Лучше бы я спала и никому не открывала.

— Мы бы выломали дверь!

Хватаюсь за мобильник с настойчивым: «Мне надо позвонить». В ответ категорический запрет и требование положить телефон, а то вдруг начну снимать или записывать.

Дальше — обыск. Везде, включая антресоли, кухню и даже санузел.

Изымают ноут, мобильный, флешки, диски, винчестеры, находят какие-то старые мобильники, о существовании которых я уже и забыла. Короче, забирают все, что может быть носителем информации. Приказано собираться и мне.

— Мне на работу к 15.00, я же могу опоздать.

— Мы вам выдадим справку.

В моем списке на утро 7 августа значится поход к парикмахеру в 12.30, и я, наивная чукотская девушка, еще надеюсь: допросят — отпустят, должна успеть.

Дальше СК, бесконечные вопросы, полное отсутствие информации извне и тщетные попытки понять, что, собственно, происходит и какие все это имеет масштабы.

Из кабинета разрешают выходить только в туалет и только в сопровождении девушки из ОМОНа. В одну из таких проходок в коридоре вдруг вижу Аню Калтыгину. Чуть позже узнаю, что задержано много и не только наших.

После многочисленных настойчивых заявлений, что имею право на защитника, приходит дежурный адвокат, он и сообщает, что «о вас известно, вас не забыли» и у меня уже есть персональный защитник, которого я скоро увижу.

Уже ближе к вечеру, когда выводят, чтобы отправить в Московское РУВД, вижу Аню Ермаченок (полный шок!), а в милиции сквозь неплотно закрытые жалюзи — Татьяну Коровенкову.

Фото в анфас, полуанфас и профиль. Бесконечно длинный день заканчивается около двух ночи в ИВС на Окрестина. Мне выдают наволочку и простыню и приказывают подниматься на четвертый этаж.

В камере, рассчитанной на пять человек, занято лишь одно спальное место. Уже утром узнаю, что моей соседке всего 17, задержали ее в составе компании на дне рождения, куда кто-то принес наркотики, и сейчас милиция устанавливает личность этого кого-то.

Девушка заявляет о своей невиновности, а потому после завтрака, когда ей велят «с вещами на выход», она прощается в полной уверенности, что ее отпускают. Тем более что накануне о таком вероятном развитии событий ей говорил и адвокат.

Целый день в камере одна. Окна задраены, лампочка под потолком горит круглые сутки, о том, сколько сейчас времени, можно прикинуть

благодаря распорядку дня, вывешенному на двери: подъем в 6.00, в 14.30 — обед, в 22.00 — отбой.

Время остановилось, ты в вакууме — ни привычных звуков с улицы, ни возможности посмотреть в окно, лишь редкий лязг замков, и через определенные интервалы открывается небольшое окошко в двери — охранники проверяют, чем занят задержанный.

Заснуть не получается, есть совсем не хочется. Развозящие обеды-ужины тетечки уговаривают: «Ну возьмите хотя бы чай… Компот сегодня очень вкусный… Белого хлеба дать?» Но о еде даже думать не хочется.

Уже после обеда снова слышу лязг открывающихся окошек и такие родные фамилии: «Золотова, как себя чувствуете? Жалобы есть?» Так узнаю, что в соседних камерах Аня Ермаченок, Марина Золотова, Татьяна Коровенкова.

— Все не ешь? — заглядывает ко мне и вздыхает охранник.— Гулять пойдешь? — Еще бы!

И пускай бетонные стены и такой же пол под ногами, зато небо сквозь решетку наверху и воздух!

В 22.00 звучит команда всем спать, еще примерно через пару часов ко мне подселяют соседку. «Задержана по 205-й»,— уже утром расскажет она. Еще через какое-то время снова лязг замков, и входит моя «старая» 17-летняя соседка. «Все плохо»,— лишь шепчет она.

9-го утром успеваю узнать, что девочке продлили срок задержания еще на два месяца, что «маму очень жалко, она сильно плакала», что «думала что-то сделать с собой, но мама взяла обещание, что не натворю глупостей», что «7 августа стало известно, что поступила в вуз и надо писать заявление на зачисление». «Эх, ну как же так, зачем?» — эти вопросы не задаю, понимаю, что она себя сама ими уже давно измучила, а ответа так и не нашла.

А потом: «Уласик, с вещами на выход»,— и снова СК, кабинет следователя. Первая встреча со вторым адвокатом, допрос и «вас отпускают».

Уже на улице — поцелуи, объятия, добрые слова от родных и незнакомых людей…

P.S. Мои любимые друзья и дорогие коллеги! Все, с кем знакома и нет, все, кто эти дни волновался, доставал по телефону соответствующие ведомства, пытаясь выяснить, где мы и что с нами, кто дежурил у стен Окрестина, писал слова поддержки в соцсетях и слал эсэмэски, работал практически сутками, чтобы информация о задержанных разошлась на весь мир, звонил и писал моей дочери с единственным вопросом: «Чем помочь?»,— все вы просто невероятные люди, и я счастлива, что вы есть!

P. P.S. Думаю, нашему освобождению не меньше были рады и сотрудники ИВС. Но у них на то свои причины…

Марина Золотова,
главный редактор TUT. BY

Самое яркое впечатление — это люди в форме и штатском, которые толпятся у тебя в прихожей в семь утра, а в это время сын в соседней комнате собирается на тренировку. Камеры, яркий свет — сразу представляешь убедительную картинку в вечерней программе по телеку — ты спросонья, в халате. Буквы в постановлении на обыск расплываются.

Позвонить коллегам нельзя.

Спустя шесть часов едем в Центральный аппарат СК мимо Дзержинского, 57 — у входа в офис микроавтобус и автобус побольше. Все понятно. Бессилие от того, что не знаешь, что с другими коллегами. Не знаешь, работает ли редакция.

Вечереет. Украдкой в коридорах СК видишь коллег.

Партизанское РУВД. Откатали пальчики. Ждем конвой, чтобы отвез в ИВС на Окрестина.

Понимаешь, что туда же попадут и коллеги. Кто именно? Когда? Увидимся или нет?

В автозаке в одной клетке я нависаю над тремя женщинами. Места на четверых впритык. Опытные соседки рассказывают, что будет дальше, поэтому «стакан» в ИВС меня не удивляет. В «стакане» мы вчетвером. Можно только стоять. Время в «стакане» течет очень медленно.

Построили в коридоре — сейчас разведут по камерам. Но перед этим раздают белье. Мои спутницы удивленно переглядываются: белье? Раньше его здесь не раздавали, говорят.

Разводят по разным камерам. Вот она — шконка. Спать.

Утром соседки, художественно матерясь, обсуждают новость: надо же, накануне раздали белье. Давно такого не было. Еще одна неожиданность: принесли туалетное мыло. Целый кусок. Можно даже вымыть голову в раковине.

Хорошая новость в том, что в ИВС есть горячая вода. Дома нет.

Троих увозят в Жодино, они по 174-й статье (уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении). Остаемся вдвоем. Можно взять книги: беру «Петербургские рассказы» Гоголя и «Преступление и наказание». Удивила соседка, которая почти сутки читала Достоевского,— даже глубокой ночью, при свете коридорного фонаря. Она тоже по 174-й.

Можно сходить на прогулку — это та же камера, только вместо потолка — небо в клеточку.

Отсутствие информации мучительно. Как там родные? Это ж сколько всего на них свалилось. Что в редакции? Где коллеги?

9 августа. Снова Центральный аппарат СК. Около часа дня начинается допрос. Отпускают после девяти вечера. Отдают шнурки и 30 рублей. Остальное, понятно, не отдают.

На улице ждут семья и коллеги. Счастье. Спасибо, друзья.

С недоумением читаю сообщение на сайте СК: «Учитывая активное содействие расследованию, следователем принято решение о неприменении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Марины Золотовой». Активное содействие? Оно проявилось в том, что согласилась давать показания со второй попытки? Да еще и статью себе «утяжелила»? Интересно.

Хотелось еще написать про «воровство», обнародование аудиозаписи и отдельные сюжеты по ТВ. Мы обязательно вернемся к этому вопросу. Когда все закончится.

Источник: tut.by, фото: Сергей БАЛАЙ

Кто и почему преследует фрилансеров

Павел ЛЕВИНОВ,
правозащитник,
член БАЖ

Весной этого года влиятельная международная организация «Репортеры без границ» опубликовала Всемирный индекс свободы прессы — 2017. Беларусь в нем на 153-м месте из 180 стран. Мы оказались среди государств, где ситуация в сфере свободы прессы оценивается «Репортерами» как неудовлетворительная. На геополитической карте, составленной этой организацией, Беларусь находится между Свазилендом и Демократической Республикой Конго.

Написал, отснял — в суд!

Последние несколько лет одной из самых острых проблем для демократического сообщества белорусских журналистов является преследование фрилансеров, сотрудничающих с зарубежными СМИ. Этому способствует «уникальная» специфика белорусского законодательства о средствах массовой информации, которое содержит два определения: «журналист средства массовой информации» и «журналист иностранного средства массовой информации» (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»). Такой подход многие эксперты как внутри страны, так и за ее пределами считают дискриминационным.

Только за неполных десять месяцев этого года мониторинг зафиксировал 85 случаев, где ОО «БАЖ» усматривает нарушение прав журналистов, связанных с выполнением ими профессиональных обязанностей.

Примерно столько же раз журналистов-фрилансеров привлекали к административной ответственности. Такого нет ни в одной цивилизованной стране мира.

Приведу несколько примеров.

Глубокских журналистов-фрилансеров Татьяну Смоткину и Дмитрия Лупача привлекли к административной ответственности в виде штрафа в 45 и 35 базовых величин соответственно за безобидный материал «Юбилейные символы», который вышел на «Радыё Рацыя». В нем говорилось о выставке геральдики районных городов, которую приурочили к 80-летию Витебской области.

Далее. Витебские журналисты-фрилансеры получили штрафы за социальный репортаж «Колхоз пропили. Деревня у озера, а воды нет», показанный на телеканале «Белсат». За это Елене Шабуне присудили штраф 490 рублей, а Вячеславу Лазареву — 539 рублей.

Иногда, других слов не нахожу, доходило до идеологического маразма: в Витебске людей привлекли к административной ответственности (штрафам и арестам) за фотографии в социальных сетях о перфомансе в поддержку свободы журналистики.

Вина граждан, по мнению судов, заключалась в том, что они без согласования с властями сфотографировались с бумажными клетками и птицами у дома с граффити, на стене которого были нарисованы вылетающие из клеток птицы. Как символ стремления всего живого на земле к свободе. Постановления судов еще не вступили в законную силу, а граффити по приказу местных властей оперативно закрасили, после чего стена старого дома снова приобрела серый и унылый вид.

Тогда в знак солидарности по Европе прокатилась волна поддержки белорусских «правонарушителей». Неравнодушные европейцы выложили в социальных сетях свои фотографии с бумажными клетками и птицами.

Как оказалось, только в Беларуси за солидарность с журналистами можно угодить за решетку и получить штраф.

Как искажают закон

Фрилансерам, материалы которых размещаются в зарубежных СМИ, ставится в вину «незаконное изготовление продукции средств массовой информации». Это несмотря на то что, исходя из положений Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации», только юридические лица могут привлекаться к ответственности за такие действия.

Продукцию СМИ производит юридическое лицо, на которое возложены функции редакции средства массовой информации (п. 26 ст. 1 и ст. 30 Закона «О средствах массовой информации»). Журналист же всего лишь готовит для этого юридического лица (редакции) информационные сообщения и (или) материалы (п. 6, 7 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»). Причем каждый отдельный материал продукцией СМИ не является, так как таковой признается только совокупность материалов, имеющих постоянное название и носящих периодический характер производства и распространения.

Таким образом, преследование журналистов-фрилансеров не за содержание материалов, а только за факт их появления в зарубежных медиа является грубым нарушением стандартов свободы слова.

Еще одним препятствием в деятельности журналистов является аккредитация при МИДе, получить которую практически невозможно. Но аккредитация не должна превращаться в разрешение на работу, а ее отсутствие не должно ограничивать возможность журналистов работать и свободно выражать свое мнение. Все журналисты-фрилансеры должны иметь те же профессиональные права, что и сотрудники официально зарегистрированных СМИ, включая право искать и распространять информацию. Белорусская ассоциация журналистов неоднократно обращалась в Министерство информации и парламент с предложениями о внесении необходимых изменений в законодательство. Но нас там не слышат.

Преследуя журналистов-фрилансеров, белорусские власти игнорируют взятые на себя международные обязательства и положения Основного закона страны.

В соответствии с ч. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый человек имеет право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно, через печать или с помощью художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

Право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды гарантирует ст. 34 Конституции Республики Беларусь.

В комитете ООН по правам человека находятся на рассмотрении десятки индивидуальных сообщений журналистов-фрилансеров о нарушении Республикой Беларусь их права на свободу слова.

Участники конференции «Перспективы и вызовы фриланс-журналистике в Европе. Особый фокус на Беларусь», которая прошла в ноябре минувшего года в Минске, потребовали от властей Беларуси прекратить преследование журналистов-фрилансеров за их профессиональную деятельность, закрепить в национальном законодательстве статус журналистов-фрилансеров для обеспечения их прав и законных интересов, отменить требование об обязательной аккредитации в МИДе журналистов иностранных СМИ, а также начать применять на практике нормы международного права, регулирующие право на свободное выражение своего мнения и свободное распространение информации.

Белорусские власти в очередной раз нас не услышали и начали преследовать фрилансеров с еще большим усердием.

Порочный круг

На сайте телеканала «Белсат» был размещен фоторепортаж Ларисы Щиряковой «Пейзажи, от которых захватывает дух. Наивысшие горы в мире глазами гомельчан». Эти фотографии Лариса сделала в Непале, в Гималаях, при восхождении на гору Манаслу. Но в отношении журналистки составили протокол об административном правонарушении за осуществление профессиональной деятельности в качестве журналиста иностранного СМИ без аккредитации в Республике Беларусь.

У непальских властей к белорусскому фрилансеру претензий нет, а у отечественных — есть! Этот порочный, позорный и пока непробиваемый круг здравомыслящему человеку понять сложно.

Возможно, власти считают, что, преследуя журналистов-фрилансеров, они перекрывают источники альтернативной и правдивой информации. Если даже так, то они глубоко ошибаются. Да, наше население в большинстве своем опасается открыто говорить о проблемах, потому что люди боятся преследования за критику. Но количество критических материалов о реальном положении дел в стране растет, как растет и количество журналистов-фрилансеров.

Вместо того чтобы вести войну с журналистами, белорусским чиновникам следует прекратить игнорирование взятых на себя международных обязательств, а также выполнять национальное законодательство в отношении свободы слова. Чтобы, мягко говоря, не удивлять демократические страны и не позорить страну.

Журналісты-фрылансеры паўночных краін Еўропы выступілі ў падтрымку беларускіх калег

У шведскім горадзе Мальмё адбылася штогадовая канферэнцыя журналістаў-фрылансераў паўночных краін Nordic Freelance 2018. У ёй удзельнічалі журналісты са Швецыі, Даніі, Фінляндыі, Нарвегіі. Беларускую асацыяцыю журналістаў запрасілі да ўдзелу як парнёра шведскай арганізацыі Frilans Syd. ГА «БАЖ» прадстаўлялі юрыстка Вольга Сяховіч і журналістка-фрылансер з Гомеля Ларыса Шчыракова.

Нашы калегі расказалі пра сітуацыю з фрылансам у Беларусі: прававыя ўмовы для працы, статыстыку, якая адлюстроўвае стаўленне ўладаў да жрналістаў-фрылансераў, ды пра асабісты досвед працы ў гэтай сферы.

Па словах Вольгі Сяховіч, адна з прысутных журналістак заўважыла, што яна «ведала пра існаванне аўтарытарных уладаў у свеце. Але не думала, што яны могуць быць так блізка».

Вольга нагадала, што Міжнародная праваабарончая арганізацыя «Рэпарцёры без межаў» у рэйтынгу «Індэкс свабоды слова» па выніках 2018 года адвяла Беларусі 155-е месца са 180. У той жа час Нарвегія і Швецыя займаюць у гэтым рэйтынгу першае і другое месцы адпаведна.

Калі журналістаў-фрылансераў Швецыі ды Нарвегіі хвалююць пытанні заробкаў журналістаў, камунікацыі, узаемадачыненняў у грамадстве, то для беларускіх журналістаў паўстаюць пытанні магчымасці працаваць у прынцыпе.

Удзельнікі канферэнцыі прынялі заяву ў падтрымку беларускіх калегаў.

Заява Nordic Freelance 2018

Пераслед фрылансераў у Беларусі нясе пагрозу і свабодзе слова, і асабістаму жыццю журналістаў. Накладанне штрафаў на журналістаў, якія супрацоўнічаюць з замежнымі медыя без акрэдытацыі, парушае міжнародныя законы аб свабодзе прэсы і права на доступ да інфармацыі.

У 2017 годзе беларускіх журналістаў аштрафавалі 69 разоў, і ў гэтым годзе ўжо накладзена 76 штрафаў. Лічбы паказваюць пагаршэнне становішча журналістаў-фрылансераў у Беларусі. Судовы пераслед фрылансераў за супрацу са СМІ без акрэдытацыі ўзрос. Агульная сума штрафаў паводле арт. 22.9 Кодэкса аб адміністратыўных парушэннях склала ўжо звыш 25 тысяч эўра ў эквіваленце. Ад пачатку года адбылося больш за 76 судоў.

Мы, як арганізацыі фрылансераў у Скандынаўскіх краінах, моцна занепакоены наяўнай сітуацыяй фрылансераў у Беларусі.

Мы, удзельнікі Скандынаўскай канферэнцыі фрылансераў у Мальмё, Швецыя, заклікаем беларускія ўлады:

— не пераследаваць журналістаў за выкананне іх абавязкаў;

— неадкладна спыніць пераслед фрылансераў за іх прафесійную працу;

— дапоўніць беларускае заканадаўства, каб гарантаваць роўныя правы ўсім журналістам, згодна з міжнароднымі стандартамі і міжнароднымі абавязальніцтвамі Беларусі.

Падпісанты:

Frilans Riks, адгалінаванне фрылансераў Шведскага саюза журналістаў

SFJ, Фінская асацыяцыя журналістаў-фрылансераў у Фінляндыі

FAO, Хартыя фрылансераў саюза тэле- і радыёжурналістаў у Фінляндыі

NJ Frilans, у межах Нарвежскага саюза журналістаў

FrilansGruppen, у межах Дацкага саюза журналістаў

Што называецца, без каментарыяў. Сказаць можна хіба адно: пераслед беларускіх журналістаў заўважна псуе міжнародны імідж нашай краіны.

Крыніца: Прэс-служба ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

Яўген Скрабец:

Аксана БРОВАЧ

У верасні журналіст-фрылансер з Брэста Яўген Скрабец атрымаў штраф за супрацоўніцтва з замежным СМІ без акрэдытацыі. Падставай для гэтага стаў матэрыял пра бажаўскі прэс-тур у Лунінец, дзе Яўген зрабіў рэпартаж пра мясцовага «маркоўнага караля» — уладальніка буйной фермерскай гаспадаркі. Суд Лунінецкага раёна абвясціў Скрабца вінаватым па артыкуле 22.9 КоАП і прызначыў 20 базавых велічынь штрафу.

Мы сустрэліся з Яўгенам пасля чарговай акцыі супраць будаўніцтва акумулятарнага завода ў Брэсце. За паўгадзіны да нашай размовы на плошчы адбыўся хапун — АМАП затрымліваў актывістаў. Пра гэта Яўген Скрабец расказаў у жывым эфіры «Радыё Рацыя». На шчасце, гэтым разам журналісты супрацоўнікаў міліцыі не цікавілі, таму Яўген спакойна выканаў сваю працу і мы неўзабаве пагаварылі.

— Яўген, чым скончылася твая судовая справа?

— У Брэсцкім абласным судзе ранейшы прысуд пакінулі ў сіле, з мяне спагналі 490 рублёў штрафу. Я ўсё аплаціў, аднак збіраюся абскардзіць рашэнне суда. Асабіста я, а таксама юрысты БАЖ не бачым складу правапарушэння паводле трактоўкі закона. А суддзі і міліцыя — бачаць.

— Пасля гэтых судоў у цябе не знікла жаданне працаваць журналістам-фрылансерам?

— Я з такой сітуацыяй, працуючы журналістам, сутыкнуўся ўпершыню. Раней атрымоўваў толькі пракурорскія папярэджанні, якіх у мяне два — ў 2009 і 2011 годзе. Адно з іх нават замацавалі ў маёй асабістай справе, калі я пайшоў на тэрміновую службу ў войска. Гэта ні на што не ўплывала, камандзір проста са мной пагаварыў, распытаў, за што мяне так «узнагародзілі».

Пасля гэтага я толькі сачыў за тым, як судзілі маіх калег. Нават асвятляў такія суды. Напрыклад, калі судзілі Іну Хоміч з Берасця. І вось што заўважыў: актыўны пераслед незалежных журналістаў пачынаецца, як толькі матэрыял тычыцца праблем рэгіёна. З чым гэта звязана, я не ведаю. Магчыма, у «вышэйшых сілаў», так іх назавем, ёсць нейкая дамоўленасць наконт таго, што ў абласных цэнтрах і сталіцы журналіст мусіць працаваць больш вольна, а вось у рэгіёнах, маўляў, не трэба варушыць ніякія праблемы.

З іншага боку, мой матэрыял пра «маркоўнага караля» быў не крытычны і не праблемны. Магчыма, не спадабалася толькі тое, што ён атрымаўся

«Пераслед журналістаў я ўспрымаю як тэрор»

рэзанансным. Я і ў інстаграме рабіў публікацыі, і рэпартаж выйшаў, які выклікаў цікаўнасць слухачоў і чытачоў.

Іншая справа, што калі б гэты пераслед у адносінах да мяне быў пастаянным — як у выпадку з Вольгай Чайчыц, Тамарай Шчапёткінай і іншымі маімі калегамі,— я не ведаю, як сябе павёў бы. Я б успрымаў гэта як тэрор.

— ***Сапраўды, у тваім рэпартажы ніякай крамолы не было…***

— Дык і артыкул не за крамолу, а за працу без акрэдытацыі «прышпілілі». Я разумею, што журналіст замежнага СМІ мусіць мець асабістую акрэдытацыю ад Міністэрства замежных спраў. Але займацца гэтым і дамаўляцца на такім узроўні — задача рэдакцыі. Тут жа атрымоўваецца, што журналіст адказвае за тое, што матэрыял выйшаў на сайце. Я бачу ў гэтым нестыкоўку. Я сабраў матэрыял, апрацаваў, адправіў у рэдакцыю. Але я не маю дачынення канкрэтна да сайта. Да адказнасці мяне прыцягнулі фактычна за тое, што рэпартаж выйшаў на сайце «Радыё Рацыя». Але на гэтым жа сайце выходзіць

шмат передрукова з БелТА — дык што, праследаваць і іх?

Я патлумачыў гэта ў абласным судзе, спасылаўся на Канстытуцыю, дзе прапісана права збіраць і распаўсюджваць інфармацыю, але суддзя не звярнуў на гэтага ўвагі.

Прыйшлося штраф аплаціць, з сямейнага бюджэта выкройваць грошы, трохі сябры дапамаглі. Штраф я аплаціў у тэрмін, думаю, ніякіх праблем з гэтым не павінна ўзнікнуць.

І ўвогуле, ёсць уражанне, асабліва калі ўзяць справу TUT. BY и БелТА, што ўлады ў чарговы раз надумалі нагадаць журналістам, хто тут галоўны. І адначасова вырашылі яшчэ некалькі пытанняў: папоўнілі бюджэт, выправілі статыстыку па раскрывальнасці «злачынстваў»… У Лунінцы гэта ўвогуле быў першы суд па такім артыкуле!

Суды забіраюць час, але я ва ўсім шукаю для сябе штосьці карыснае. Я са свайго суда і матэрыял зрабіў, і з калегамі пабачыўся, і з бацькам. Дзень прайшоў недарэмна. Яшчэ і папрактыкаваўся ездзіць на далёкую адлегласць на аўто. Я кіроўца з малым стажам, а тут такая нагода!

— Як на твой суд адрэагавала рэдакцыя, што размясціла твой матэрыял?

— Яны мяне падтрымоўвалі, сказалі, будуць дапамагаць. Калегі званілі, перадавалі мае ўражанні ў жывым эфіры, калі я вяртаўся з Лунінца. Тамара Шчапёткіна з Бярозы напярэдадні таксама падтрымала, але і падрыхтавала да таго, што суд наўрад ці вырашыць штосьці на маю карысць.

— А сям'я?

— Ні жонка, ні бацькі не перажывалі за мяне, я іх супакоіў. Сказаў: «Не перажывайце, мае калегі, супольнасць Беларускай асацыяцыі журналістаў, абавязкова мяне падтрымаюць і дапамогуць». Бацька прыйшоў на мой суд у Лунінцы: яму было цікава, як выглядае працэс. Я патлумачыў усім, якія рызыкі існуюць. Жонцы сказаў, што гэта можна ўспрымаць як працоўны момант. Шмат прадпрымальнікаў таксама атрымоўваюць штрафы. Адзінае, што яшчэ да суда мне прыйшлося патлумачыць міліцыянтам, каб тэлефанавалі ў нармальны час, а не ў 9 вечара. У нас жа малое дзіця, і я тады вельмі раззлаваўся.

— У цябе няма адчування, што ты працуеш быццам бы як нелегал? Прынамсі, у вачах уладаў, міліцыі.

— Шчыра кажучы, у мяне няма такога адчування. Я тлумачу закон на сваю карысць і ніякай віны за сабой не бачу. Калі доктар, напрыклад, не працуе ў дадзены момант у клініцы, але вядзе прыватны прыём ў розных стаматалагічных

кабінетах, гэта не значыць, што ён не з’яўляецца стаматолагам. Таксама і з журналістамі-фрылансерамі, якія рыхтуюць матэрыялы для розных СМІ.

— Навошта табе ўвогуле гэты фрыланс? Праблемы, нестабільны заробак…

— Пакуль што трэба. У далейшым, магчыма, я завяжу з гэтым. Фрыланс як форма журналісцкай працы мяне не напружвае. Я больш як 10 гадоў зарабляю на жыццё, як кажуць, пяром. Навучыўся арганізоўваць сваю працу так, каб забяспечваць сабе стабільны заробак.

Фрыланс — гэта заробак з ганарараў. Пазаштатныя супрацоўнікі розных кампаній, якія займаюцца сучаснымі тэхналогіямі — тыя ж праграмісты — яны таксама фрылансеры. І жывуць з ганарараў за праекты. Да таго ж звычайна фрылансеры маюць некалькі крыніц заробку. У мяне пакуль што атрымоўваецца 50 на 50: палову зарабляю журналістыкай, палову — з іншай крыніцы, але яна не вельмі стабільная ў параўнанні з фрылансам.

— Сямейным справам твая праца не шкодзіць?

— Я ўжо вызначыў сабе пэўны графік. Канешне, час ад часу ён парушаецца, бо здараюцца падзеі, якія немагчыма спрагназаваць. Але я навучыўся рэагаваць на іх хутка і без эмоцый, каб яны не надта перашкаджалі. Я працую так: аналізую анонсы падзей, складаю працоўны план, заношу ўсю інфармацыю у гугл-календар. Потым вырашаю, што мне падыходзіць, узгадняю тэму на планёрцы — і працую. Да гэтага дадаюцца тэрміновыя нагоды, але яны ўсё адно прынцыпова ні на што не ўплываюць і не замінаюць майму асабістаму жыццю. Звычайна як мінімум на тыдзень усё планую. Па маім разуменні ў сучасным свеце час — гэта грошы.

— Выглядае ідэальна! Але ты казаў, што хочаш сысці з журналістыкі.

— Цяпер гэты занятак больш для душы, я б так сказаў, але не для самарэалізацыі. Я не бачу сябе журналістам. Журналістыка — толькі адзін з эпізодаў майго жыцця. Ёсць катэгорыя людзей, якія раз на 10 год мяняюць сферу дзейнасці. Вось я з такіх. За гэтыя 10 гадоў, каб меў жаданне, я дасягнуў бы чагосьці большага, чым займацца проста фрылансам. І размова тут не пра ляноту адназначна, бо мне ж у выніку ўдаецца зарабляць.

> ***Я ва ўсім шукаю для сябе штосьці карыснае. Я са свайго суда і матэрыял зрабіў, і з калегамі пабачыўся, і з бацькам. Дзень прайшоў недарэмна. Яшчэ і папрактыкаваўся ездзіць на далёкую адлегласць на аўто.***

Журналістыка дае магчымасць авалодаць новымі інструментамі ў распаўсюджванні інфармацыі. Акрамя гэтага, дзякуючы журналістыцы, я засвоіў класічную працу з гукам, фатаграфіямі. Сацсеткі мяне цікавяць не з пункту гледжання SMM, як цяпер папулярна, а як крыніца інфармацыі. То бок мяне больш цікавяць тэхналогіі, чым праца журналіста ў рэдакцыі ў класічным разуменні. Я думаю, гэтыя веды мне спатрэбяцца ў нейкіх іншых варунках альбо ў хобі. Магчыма, у будучым я буду займацца фатаграфіяй. Неабавязкова рэпартажнай.

— Памятаеш, як ты прыйшоў у журналістыку?

— Мне падабалася фатаграфаваць, праз фота і прыйшоў. Я і цяпер кожны свой рэпартаж стараюся здымкамі аздобіць, хаця для радыё фота — не галоўнае патрабаванне.

— Атрымоўваеш задавальненне ад таго, што робіш?

— Мне прыемна, што час ад часу мае матэрыялы са здымкамі перадрукоўваюць мясцовыя навінавыя парталы. «Наша Ніва» брала калісьці як фотафакт здымак з майго рэпартажа пра школьную лінейку ў адзіным беларускамоўным класе. Дзеткі тады прыйшлі ў вышыванках, і я зрабіў кадр. Таксама прыемна, калі твая праца прыносіць камусьці карысць, а не знікае ў «чорнай дзірцы». Калі цікавая чытачам, слухачам, гледачам, героям рэпартажу. Часам прашу рэдактараў дадаць гіперспасылку на старонку цікавага чалавека або яго праекта. Атрымаць фінансавае задавальненне ад сваёй працы — гэта адно, але ўсведамляць, што тое, што я зрабіў, камусьці падабаецца, прыдалося — гэта зусім іншае.

Мне падабаецца шукаць інфармацыю. Можа нехта і не зверне на нейкую з’яву ці падзею

ўвагі, а я напішу — і пра гэта будуць чытаць. І, магчыма, «спрадвечная» справа зрушыцца з месца.

— Але без «чорнай дзіркі», якая паглынае інфармацыю, у сучасным свеце — нікуды. Ці не гэта цябе падштурхоўвае да таго, каб развітацца з гэтай рызыкоўнай у нашай краіне працай?

— Не. Я намагаюся рабіць тое, што асабіста мне цікава. Вельмі люблю гісторыю. Знаёмлюся з гісторыкамі, краязнаўцамі, з задавальненнем пішу пра іх. Заўсёды стараюся наведваць розныя гістарычныя рэканструкцыі, лекцыі. Рэспубліканскія СМІ часам ігнаруюць такія мерапрыемствы, а мне цікава.

Таксама я люблю матэрыялы, якія звязаныя з нечым пазітыўным, а не, як кажуць, праблемныя.

— Як табе падаецца, ёсць будучыня ў фрыланс-журналістыкі ў Беларусі? Ці зможам мы, як на Захадзе, пісаць спакойна, час ад часу калонкі ў газету і ні пра што не клапаціцца?

— Мне падаецца, не трэба параўноўваць нашу сітуацыю з тым, як працуюць фрылансеры ў заходніх краінах. Часам чалавек называе сябе фрылансерам, але дэ-факта ён дае інфармацыю на нейкае СМІ. У краіне з больш ліберальнымі законамі гэта быў бы штатны альбо пазаштатны, але су-пра-цоў-нік. А ў нас статус такога чалавека незразумелы праз недасканалае заканадаўства. Мне падаецца, што фрыланс-журналістыка будзе жыць, калі будзе запыт. Не столькі з боку грамадства, колькі з боку

уласнікаў СМІ, працадаўцаў. Паўтаруся: час — гэта грошы. Часта фрылансер хутчэй зарыентуецца і спрацуе, чым штатны рэдакцыйны журналіст.

Да таго ж трохі незразумела, каго назваць фрылансерам. Калі чалавек вядзе свой канал у YouTube або працуе на супольны канал, які мае фінансаванне з грамадскіх ахвяраванняў ці з рэкламы — ён хто? Фрылансер, блогер?

— А як ты звычайна прадстаўляешся? Карэспандэнтам нейкага СМІ, фрылансерам…

— Калі чалавек цікавіцца, дзе матэрыял будзе апублікаваны, я звычайна кажу, што я фрыланс-журналіст, але буду рыхтаваць матэрыял на такое альбо такое СМІ. Гэта важна, бо здараецца, што герой можа не пагадзіцца даваць каментар на прапанаванае яму СМІ. Але я мяркую, у астатніх выпадках дастаткова сказаць, што я фрыланс-журналіст і не варта больш нічога тлумачыць.

— Ты падпісваеш свае матэрыялы псеўданімам. Не шкадуеш? Бо імя ў журналістыцы шмат значыць.

— Ведаеш… Прыходзіць у галаву такое параўнанне, чакай, зараз скажу. Магчыма, чытачы будуць смяяцца. Але Янка Купала таксама пісаў пад псеўданімам. Вось і ўсё. Галоўнае, каб матэрыял застаўся ў памяці. Бо ў мяне няма ганарыстага жадання пакінуць сваё імя ў гісторыі.

**Фота: Святланы Гарды
і з асабістага архіва Яўгена Скрабца**

Класіка жанру

Расследаванне Дзяніса Івашына наконт рэстарацыі «Паедзем паядзім» — вельмі цікавая штука. Асэнсоўваючы падзеі, якія праходзілі цягам некалькіх месяцаў, можна адзначыць, што ўсё гэта нібыта сышло са старонак падручніка па журналістыцы. Проста класічны прыклад журналісцкай працы са шчаслівым (пакуль што) фіналам.

Сяргей ПУЛЬША

Грамадска значная падзея

Курапаты — гэта ўвогуле складанае месца і тэма для журналісцкай працы. Складанасць у тым, што ў паняцце «Курапаты» амаль кожны грамадзянін Беларусі ўкладае свой, адрозны ад іншых сэнс.

Гісторыя і ўспрыняцце Курапатаў цягнуцца з мінулага стагоддзя. Для забудоўшчыкаў гэта кавалак зямлі, на якім можна паставіць дамок. Мы выслухалі шмат дзіўных аргументаў з боку завадатараў гэтага бізнесу і іх абаронцаў. Напрыклад, што ў Брэсцкай крэпасці таксама працуюць кавярні — і нічога. Што ўвесь Мінск стаіць «на костках». Што рэстарацыя ніяк не шкодзіць Некропалю ды іншае.

Але ж гэта не проста месца. Рэдактарка «Новага часу» Аксана Колб падкрэслівае: «Курапаты — гэта не могілкі, не месца пахавання. Гэта месца масавых расстрэлаў. І таму ўсе параўнанні кшталту “Мінск стаіць на касцях” не проста некарэктныя — яны да Курапатаў дачынення не маюць. Курапаты — гэта тое месца, праз якое Беларусь калі-небудзь дойдзе да грамадскага кансэнсусу, да таго стану, калі будуць паважацца дэмакратыя і правы чалавека. Курапаты — своеасаблівая кропка адліку маральнасці, чалавечнасці і сённяшняга стану нашага грамадства».

«На жаль, да сёння беларускія ўлады не зрабілі таго, што павінны былі зрабіць ужо шмат гадоў таму — не адбылося пакаяння, прызнання тых памылак, тых рэпрэсій, якія адбываліся ў 1930-я гады. Магчыма, каб гэта адбылося, сёння мы б мелі зусім іншае грамадства і міністр унутраных спраў не выходзіў бы на парады ў мундзіры НКУС. Але гэтага пакуль не адбылося, і таму Курапаты, як трапна сказаў Зміцер Дашкевіч, “сама тое месца, каб усім згуртавацца,

узняць голас — і перамагчы. Курапаты сёння — гэта прызма, праз якую выяўляецца сутнасць многіх сфер нашага грамадства". Я цалкам з гэтым пагаджуся»,— зазначае Колб.

Тэма Нацыянальнага некропалю пад увагай супрацоўнікаў рэдакцыі была заўсёды, нават тады, калі «Новага часу» яшчэ не існавала, а калектыў працаваў у іншым выданні — закрытай уладамі «Згодзе». «Таму, я лічу, было важна зрабіць як мага больш галоснай гэтую справу — будаўніцтва каля месца масавых расстрэлаў»,— кажа яна.

Што ж да аўтара гэтых радкоў як намесніка рэдактара «НЧ», то Курапаты — не толькі маральная, але і гістарычная каштоўнасць. Калі б не было Курапатаў, мажліва, не было б сёння і Беларусі як незалежнай рэспублікі ўвогуле. Менавіта праўда пра Курапаты абудзіла ў 1988 годзе «Вандэю перабудовы», як называў рэспубліку Алесь Адамовіч. Менавіта «Дзяды», шэсце ў Курапаты паказалі, што людзей, якія патрабуюць перамен і зносу камуністычнай сістэмы, багата. Гэтае яднанне прывяло да стварэння Беларускага Народнага Фронту, страйкаў, вулічнай актыўнасці, дзякуючы гэтаму ў Вярхоўным Савеце з'явілася парламенцкая фракцыя дэпутатаў ад БНФ. І ў вялікай ступені дзякуючы менавіта гэтым дэпутатам краіна атрымала незалежнасць.

Не было б праўды пра Курапаты — не было б і ўсяго гэтага. І спробы знішчэння ці прыніжэння статусу гэтага месца — гэта адначасна (для мяне) і спробы аспрэчыць ці пазбавіць Беларусь дзяржаўнасці. Дзяржаўнасці, якая пайшла менавіта з гэтага невялічкага ляснога ўрочышча.

Зусім іншы матыў для расследавання быў у яго аўтара — Дзяніса Івашына. Ён думаў не толькі пра глабальныя рэчы, яго матыў быў найперш асабістым: у Курапатах ляжаць яго сваякі — хросны яго бабулі з трыма братамі. Таму ён не мог проста так пакінуць пытанне пабудовы рэстарацыі «Паедзем паядзім».

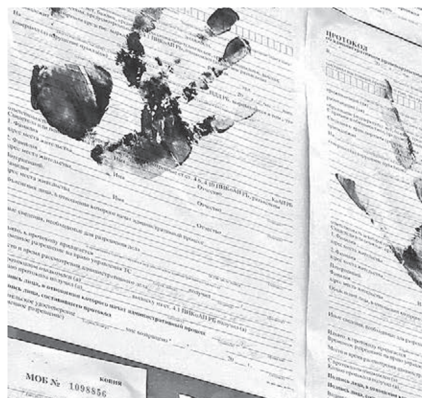
«Па-другое, гэта найбольшае ў Беларусі сведчанне — прычым сведчанне мемарыялізаванае — савецкіх рэпрэсій на тэрыторыі Беларусі, генацыду беларускага народу»,— кажа Івашын. Але заўважце, гэта ўсё ж «па-другое». Ён зазначае, што насамрэч «Паедзем паядзім» — гэта не рэстарацыя. Афіцыйна будаваўся «рэстаранна-забаўляльны комплекс». І вось гэта «забаўляльнае» на месцы масавых расстрэлаў, падаецца, больш за ўсё чапляе Івашына.

Гэта ўсё роўна, як у Асвенцыме адкрыць цырк-шапіто.

Прагматыка

Але ў расследаванні быў вялікі прагматычны складнік. Справа не толькі ў маральнасці, не ў тым, што «Бульбаш-хол», потым перайменаваны ў «Паедзем паядзім», быў пабудаваны ля Курапатаў. І не ў тым, што ён быў пабудаваны насуперак пратэстам грамадскасці. Насамрэч праблема ў тым, што ён быў пабудаваны вельмі сумніўна з пункту гледжання законнасці.

Шырока вядома, што для яго будаўніцтва былі зменены ахоўныя межы тэрыторыі Курапатаў. Двойчы — спачатку Мінкультам,

потым Генпракуратурай — выдаваліся прадпісанні па «прывядзенне будоўлі ў адпаведнасць з законам». І нават па пастанаўленні пракуратуры гэтага зроблена не было. І не толькі «не было зроблена» — адказнасці за гэта ніхто не панёс!

Міжволі ўзнікае пытанне: ці няма ў будаўніцтве рэстарацыі карупцыйнага складніку?

Як кажа Аксана Колб, «было вельмі важна паказаць, што гэтае будаўніцтва — невыпадковае». «Што гэта не нейкі бізнесовец, не ведаючы, што такое Курапаты, атрымаў кавалак зямлі і пачаў там нешта будаваць. Таму было важна дакапацца, хто датычны да гэтага будаўніцтва — ад самага пачатку. Рэакцыя, якая была пасля публікацыі, толькі пацвярджае факт невыпадковасці гэтага будаўніцтва. Як невыпадкова і тое, што рэстарацыя запланавала сваё адкрыццё ў 30-ю гадавіну выхаду знакамітага артыкула Пазняка і Шмыгалёва»,— мяркуе яна.

«У асноўным у абаронцаў рэстарацыі ёсць тры аргументы. Гэта тое, што будаўніцтва законнае; тое, што "ўвесь Мінск стаіць на касцях"; тое, "чаму пратэстаў не было раней". Нам трэба было паказаць, што і як адбывалася. Пра "ўвесь Мінск стаіць на касцях" мы ўжо казалі. Раней за публікацыю расследавання Івашына мы друкавалі артыкулы Марата Гаравога, які паказваў, што барацьба супраць пабудовы "Бульбаш-холу" вялася ад самага пачатку і нельга казаць, што "раней усе маўчалі". Расследаванне Дзяніса Івашына — гэта своеасаблівы працяг матэрыялаў Гаравога, якое паказвае, якія сілы былі задзейнічаныя ў тым, каб пабудаваць рэстарацыйна-забаўляльны комплекс ля Нацыянальнага некропалю»,— кажа рэдактарка.

Менавіта гэта — невыкананне пастанаўлення пракуратуры і змены мяжы ахоўнай зоны — прыцягнула ўвагу Дзяніса Івашына. «Пытанне, ці няма там нейкай пратэкцыі, паўставала само сабою. Як такое можа быць, што ў ахоўнай зоне выдзяляюць тэрыторыю для будаўніцтва, пракуратура ўсё гэта заўважае, рэагуе, але нічога не змяняецца? Ну, я пачаў высвятляць і высветліў»,— кажа Івашын.

Самым незвычайным і цікавым у расследаванні, адзначае Дзяніс, сталася адкрыццё, што ў пабудове рэстаранна-забаўляльнага комплексу прымаў удзел «цэлы міжнародны сіндыкат». «Тут

задзейнічаны фірмы і з Ізраілю, і з Амерыкі, і афшоры… Аднак больш за ўсё мяне ўразіла, што тэрыторыя ля Курапатаў арэндаваная на даўжэзны тэрмін фірмай з расійскім капіталам. Упершыню пра гэта я пачуў ад Зянона Пазняка, які сказаў, што кампаніі-забудоўшчыкі, мажліва, з Расіі. Я ж увогуле займаюся ў асноўным нацыянальнай бяспекай і пагрозай з боку нашага ўсходняга суседа. Гэта быў дадатковы фактар, чаму я заняўся расследаваннем справы з рэстарацыяй. І ў прынцыпе, словы Пазняка спраўдзіліся»,— зазначае ён.

А найбольшай складанасцю расследавання Івашын называе велізарны аб'ём дакументаў і як вынік — спробы не заблытацца ў вялікім аб'ёме інфармацыі. «Тая сіла, якую я выкрыў, уяўляе з сябе матрошку. Ты выяўляеш адну фірму-пракладку, а яе ўласнікі — іншыя юрыдычныя асобы. Глядзіш на тыя фірмы — там у заснавальніках яшчэ фірмы… Даводзілася ў некалькі этапаў атрымліваць дакументы, усё распутваць»,— кажа Івашын.

Шмат знятых фільмаў і кніг, напісаных пра прыгоды журналістаў, малююць прафесію як звышрамантычную: патаемныя сустрэчы з інфарматарамі, начныя здымкі схаванай камерай і нешта джэймсабондаўскае (і гэта правільна, інакш бы як мы вербавалі новых адэптаў?). Але насамрэч сапраўдная праца такая: далёка не рамантычнае і нават сумнае перабіранне папер, запыты і адказы, супастаўленне фактаў, маляванне схемаў… Затое які вынік!

Разумеючы, які сіндыкат стаіць за будоўляй у Курапатах і якія там задзейнічаныя грошы, Івашын (па яго словах) не вельмі і расхваляваўся, калі да яго паступіў судовы пазоў ад Аркадзя Ізраілевіча. Для яго гэта было прадказальна — з улікам існуючай сітуацыі ў беларускай незалежнай журналістыцы. «Гэты пазоў адбыўся паралельна са "справай БелТА", на фоне пераследу журналістаў "Белсату". Было зразумела: ў любы момант могуць рэпрэсаваць любога незалежнага журналіста. Да таго ж "Новы Час" — гэта адзіная цалкам беларускамоўная

газета рэспубліканскага значэння, якая засталася ў краіне. У гэтым рэчышчы я пазоў і ўспрыняў»,— кажа Івашын.

Права на адказ

Варта зазначыць, што для фігурантаў расследавання публікацыі Івашына ў нейкай ступені не былі нечаканасцю. На пэўных этапах і рэдакцыя, і Івашын асабіста звярталіся да асобаў, датычных да будоўлі рэстарацыі. Сам Івашын пагутарыў з Інай Лебедзевай, першым забудоўнікам аб'екту прыдарожнага сэрвісу, які потым ператварыўся ў забаўляльна-рэстарацыйны комплекс.

Некаторыя фігуранты справы выходзілі на рэдакцыю самі. Напрыклад, Аляксей Мартынаў, які ў сумнавядомым пратаколе № 115 Беларускай рэспубліканскай навукова-метадычнай рады па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны пры Мінкульце Беларусі пазначаны як галоўны архітэктар кампаніі Аркадзя Ізраілевіча. Мартынаў патэлефанаваў у рэдакцыю і сказаў, што на момант пасяджэння рады ён ужо не працаваў у ТАА «ІВ». І рэдакцыя пазначыла гэта ў артыкуле — нават нягледзячы на тое, што словы Мартынава наўпрост разыходзіліся з дакументам.

Зазвычай «кантрольнае інтэрв'ю» робіцца па сканчэнні пэўнага этапу расследавання. Але спадару Ізраілевічу такі шанец быў дадзены нават раней. Проста Ізраілевіч падаў свой пазоў яшчэ да заканчэння серыі публікацый, і яму было прапанавана выказацца.

Аксана Колб кажа, што яна не аматарка канфліктаў. «Я лічу, што канфлікт шкодзіць усім: і газеце, і чытачам, і абаронцам Курапатаў, і сумленнаму бізнесу. Таму, калі стала вядомая дата папярэдняга судовага пасяджэння па пазове да газеты, па ініцыятыве чалавека, якога я вельмі паважаю, адбылася наша сустрэча з Аракадзем Ізраілевічам. Я прапанавала яму выказаць у газеце свой пункт гледжання: апублікаваць усе дакументы, якія ў яго ёсць і якія, па яго словах, пацвярджаюць яго недатычнасць да рэстарана "Паедзем, паядзім". Прапанавала яму выкласці яго меркаванне, прычым нават неабавязкова ў форме інтэрв'ю. Проста распавесці сваю пазіцыю, якую мы надрукавалі б нават без перакладу на беларускую мову, калі ён кепска ёй валодае (так рэдакцыя і паступіла з інтэрв'ю Іны Лебедзевай.— *Заўв. аўт.*). Але Ізраілевіч не пагадзіўся. Ён запатрабаваў напісаць, што няпраўда — усё апублікаванае, што Івашын хлусіць. Ён вырашыў, што ва ўсім разбярэцца суд і стане на яго бок. Суд і разабраўся, прынамсі, яго першая інстанцыя»,— распавядае рэдактарка.

Але газета і зараз не адмаўляецца ад сваёй прапановы Ізраілевічу. «Бо кожны грамадзянін Беларусі мае права публічна выказаць сваю пазіцыю, а чытачы газеты маюць права з ёю азнаёміцца і скласці сваё

пазіцыі суд па законе яшчэ павінен ім неяк дапамагчы, падказаць, што зроблена няправільна, то абгрунтаванне гэтай пазіцыі — да жалю, або да шчасця журналістаў,— у пазоўнікаў вельмі моцна хістаецца. Адпаведна, гэта дае нам магчымасць паказваць суду нестыкоўкі ў пазіцыі альбо няслушнасць абгрунтавання гэтай пазіцыі»,— зазначае ён.

Гэта, па меркаванні юрыста, не азначае, што беларускія суды і суддзі пачалі больш лаяльна ставіцца да незалежнай прэсы. Да прыкладу Агееў кажа, што ніводзін аналагічны пазоў у дачыненні да дзяржаўных СМІ апошнім часам задаволены не быў. Інакш кажучы, да дзяржСМІ суд ставіцца «скрайне і незаслужана лаяльна», а да незалежнай прэсы — «па законе», адзначае юрыст.

меркаванне, хто ўсё ж такі мае рацыю»,— кажа Аксана Колб.

Гэта яна адзначыла і ў час суда. Аркадзь Ізраілевіч маўчыць дагэтуль.

Суд і ўсё астатняе

Трэба адзначыць, што суд «Новага часу» — не першы працэс аб абароне гонару і годнасці, выйграны журналістамі з дапамогай юрыдычнай службы БАЖ. Раней ад пазову адбіўся гарадзенскі сайт Hrodna. life і журналістка Вераніка Вельб, якая скрытыкавала «Гроднааблвідэапракат». І той справай таксама займаўся юрыст Алег Агееў.

Насамрэч, кажа Агееў, такіх выпадкаў не два, а значна больш. Прадстаўнікі юрыдычнай службы за апошнія паўтара гады дапамагалі журналістам у Бабруйску, Магілёве, Гомелі, дзе таксама былі прынятыя рашэнні на карысць прэсы.

Па словах юрыста, пазоў аб абароне гонару і годнасці — гэта вельмі няпростая справа. І няпростая яна перш за ўсё для пазоўніка. «Пазоўнікі не могуць нармальна сфармуляваць сваю пазіцыю і яе абгрунтаваць. Калі з фармулёўкай

Дапамогу юрыстаў БАЖ Дзяніс Івашын ацэньвае як «фантастычную». «Алег Агееў, які дапамагаў мне непасрэдна,— цудоўны юрыст. І, каб не гэтая рэпрэсіўная практыка да юрыстаў, адвакацкай калегіі, ён быў бы адвакатам вышэйшага ўзроўню. І я рады, што ён свае прафесійныя справы здзяйсняе ў нашай асацыяцыі. Я яму шчыра ўдзячны»,— кажа журналіст.

Пры гэтым ён згадвае, што Агееў дапамагае яму не першы раз. Першы раз быў, калі Івашына незаконна затрымалі на Дзень Волі — 2017. Але тады, кажа Дзяніс, працэс быў яўна палітызаваны: ані журналіст, ані адвакат ні на што паўплываць не маглі, і Івашын правёў «у палоне» свае 5 сутак адміністрацыйнага арышту.

Потым — ізноў з дапамогай Алега Агеева — Івашын абскардзіў парушэнне яго правоў у Камітэце па правах чалавека ААН. «Так што юрыдычная служба БАЖ — проста малайцы, і гэтая журналісцкая салідарнасць проста неверагодная, вельмі дапамагае»,— зазначыў ён.

Што да «Новага часу», то вырак суда сапраўды быў законным, лічыць Аксана Колб. «Як бы дзіўна не гучала гэта ў сённяшніх умовах, суддзя сапраўды дзейнічала ў межах закону. Згодна з пастановай № 22 Пленума Вярхоўнага Суда,

каб прызнаць пазоў аб абароне гонару і годнасці, павінны супасці тры факты: інфармацыя павінна быць распаўсюджаная, яна павінна не адпавядаць рэчаіснасці і павінна абражаць пазоўніка. Адзінае, што супала ў пазове Ізраілевіча,— інфармацыя сапраўды была распаўсюджаная. Але яна адпавядала рэчаіснасці і тым больш не абражала Ізраілевіча. Нават фармальна ў суда не было падстаў стаць на яго бок»,— адзначае рэдактарка.

Але, па яе меркаванні, гэты пазоў быў пададзены не толькі з мэтай пакараць выданне. Мажліва, яго мэта была іншай.

«Ва ўсёй гэтай гісторыі ёсць шмат цікавых момантаў, і ў мяне няма адказу на шэраг пытанняў. Першае: чаму пазоў быў пададзены толькі праз месяц пасля першай публікацыі, а ўдакладненне да яго — яшчэ праз тры тыдні? Калі спадар Ізраілевіч так ужо абразіўся, чаму ён чакаў, па вялікім рахунку, амаль два месяцы? Другое: незразумела, чаму замест таго, каб звярнуцца ў рэдакцыю, абвергнуць нейкія факты ці выказаць сваю думку, спадар Ізраілевіч выдаў у сваім блогу артыкул, у якім абвінаваціў Івашына, "Новы Час" і шмат яшчэ каго ў антысемітызме. Магчыма, такім чынам яму хацелася скіраваць дыскурс у іншы бок, адцягнуць увагу ад Курапатаў, ўзняўшы "хайп" на балючую, але адрозную ад Курапатаў тэму. І калі гэта не атрымалася, ці ў яго самога, ці ў нейкіх яго сяброў з'явілася думка пайсці ў суд. З чым пайсці ў суд, было не вельмі зразумела. Таму ўзнікла такая позва — з вельмі размытымі фармулёўкамі, якія ўдакладняліся некалькі разоў, і не магу сказаць, што ад гэтых удакладненняў пазоў стаў лепшым», — зазначыла Аксана Колб.

І ўсё ж…

І ўсё ж варта прыслухацца да Алега Агеева. Яго словы падобныя на старую прымаўку следчых: «Тое, што вы яшчэ не ў турме, гэта не ваша заслуга, а наша недапрацоўка». Гэта пакуль пазоўнікі маюць праблемы з аргументацыяй сваёй пазіцыі. А калі яны навучацца — на прыкладзе таго ж Аркадзя Ізраілевіча?

«Спосаб сатысфакцыі людзей праз пазоў аб абароне гонару, годнасці і дзелавой рэпутацыі праз суд у нашай прававой сістэме — найбольш дэмакратычны, — кажа пры гэтым Агееў. — Я б заклікаў журналістаў не палохацца пазоваў аб абароне гонару і годнасці, таму што ў адкрытым судовым працэсе часцяком можна многае даказаць. Значна горш, калі пакрыўджаныя людзі звяртаюцца ў Міністэрства інфармацыі альбо ў МУС, і гэтыя органы караюць журналістаў па пазасудовай працэдуры».

Зразумела, гэта не азначае, што трэба займацца самацэнзурай альбо не кранаць балючыя для грамадства тэмы. Але для гэтай катэгорыі спраў, падкрэслівае Агееў, вельмі важна аперавць менавіта спраўджанай і праверанай інфармацыяй. «На жаль, часцяком у судзе мы не можам даказаць, што факталогія, якую выкарыстоўваў журналіст у матэрыяле, адпавядае рэчаіснасці. Больш за тое, рэальнасць такая, што журналіст выкладае несапраўдныя факты. Як правіла, мы прайграем справы праз тое, што журналіст сам дапусціў памылкі пры падрыхтоўцы матэрыялу: там напісаная няпраўда. Таму, асабліва па вялікіх матэрыялах, па журналісцкіх расследаваннях трэба шматразова правяраць факты, іх сапраўднасць, пазбягаць меркаванняў толькі дзеля таго, каб зрабіць гучныя высновы»,— дае параду юрыст.

А часцяком бывае, што журналісцкія расследаванні займаюцца пытаннямі, якія, па выказванні Агеева, «маюць няпростае прававое рэгуляванне». І тут Алег Агееў раіць не саромецца кансультавацца з юрыстамі. «Журналіст, не маючы юрыдычнай адукацыі, дае няслушныя ацэнкі, зыходзячы з свайго суб'ектыўнага бачання, і выкарыстоўвае фармулёўкі, якія могуць выходзіць за абмежаванні свабоды слова і нават злоўжываць свабодай слова. Чым складаней справа, тым большая неабходнасць у юрыдычнай кансультацыі»,— кажа ён.

Беларуская асацыяцыя журналістаў, яе юрыдычная служба аказваюць такую дапамогу. У рэгіёнах і ў Мінску ёсць шэраг юрыстаў, якія праводзяць юрыдычную экспертызу матэрыялаў яшчэ да іх публікацыі. Прычым даводзілася даваць кансультацыі не толькі па друкаванай прэсе, але па фота, відэа і аўдыё.

Больш за тое, па такую экспертызу можа звярнуцца любы журналіст — незалежна ад таго, з'яўляецца ён сябрам БАЖ альбо не.

Працяг будзе?

Такім чынам, на справе «Новага Часу» мы маем практычна класічны прыклад з падручніка па журналістыцы: грамадска значная праблема, па якой было праведзенае журналісцкае расследаванне з выкарыстаннем дакументаў, карпатлівай і звонку сумнай працай, верыфікацыяй фактаў і іх разборам. Расследаванне, якое не задавальняла далёка не апошніх у фінансавым плане людзей, і якія ў выніку пацярпелі паразу з-за выключнай прафесійнасці журналіста. Гэта ўсё?

Не зусім. На момант падрыхтоўкі матэрыяла ў адваката Аркадзя Ізраілевіча яшчэ быў час падаць апеляцыю на рашэнне суда першай інстанцыі ў вышэйшым судзе. Згодна са зменамі, якія набылі моц пасля 21 ліпеня, абскарджанне праводзіцца ў апеляцыйным парадку, то бок фактычна з новым разглядам справы. І, мажліва, «Новы Час» і Дзяніса Івашына чакае «другая частка Марлезонскага балета».

***P. S.* На пачатку кастрычніка пракуратура Савецкага раёна Мінска адклікала апеляцыйны пратэст на рашэнне суда па справе бізнесмэна Аркадзя Ізраілевіча супраць недзяржаўнай газеты «Новы Час» і журналіста Дзяніса Івашына.**

tut. by

Фота Алены Ляшкевіч і Паўла Аксеновіча

НЕПОКОРЕННЫЕ

Владимир
ДЗЮБА

Преследуя журналистов независимых СМИ, система власти расписывается в собственном бессилии и нежелании стать цивилизованной. Система видит себя беспощадной и сильной. Но ее сила направлена не на решение социально-экономических проблем, а на войну с инакомыслием и теми, кто эту систему критикует. Поэтому сколько бы саммитов на «высшем международном уровне» ни проводилось, репрессии против журналистов перечеркивают все пафосные заявления о торжестве демократии и законности в Беларуси.

Про «небо в клеточку»

За последние 20 лет в лексикон многих белорусских журналистов вошли непривычные слова: «шконка», «стакан» (или отстойник), «нары», «обыски», «хапун», «допрос», «автозак», «зачистка», «сокамерник»… Просто феня да и только. На которой, как известно, «ботают» (общаются) «деклассированные элементы» общества. Но когда такие слова звучат из уст образованных, умных и красивых журналисток, мне становится не по себе. Я испытываю неловкость и чувство стыда не только за себя, но и за всех тех мужиков, которые допустили такое в собственной стране. Диван, пиво, телевизор… Зомбирующая щель, через которую большинство из них смотрит на мир.

Про тех же, кто нам эту феню навязывает, вообще говорить не хочется. Но приходится, потому что их, имитирующих бурную деятельность в борьбе «за процветающую Беларусь», развелось великое множество. На самом деле это по их инициативе над страной долгие годы висит «небо в клеточку».

Но вернемся к теме нашего разговора. Эти новые-старые слова ничего общего с тюремной романтикой не имеют. Совсем не до романтики, когда тебя хотят унизить, растоптать, уничтожить. Когда тебя насильно лишают свободы и толкают в чуждый, незнакомый и дурно пахнущий мир. Когда ты куда-то «исчез», а твои родные в течение двух или трех суток не знают, что с тобой и где тебя искать.

Массовым репрессиям и задержаниям подвергаются исключительно журналисты независимых СМИ. Подчеркиваю — независимых. Потому что «хапун», как правило, происходит во время проведения общественно значимых акций протеста. Где работают в большинстве своем независимые журналисты. Сотрудники государственной прессы на такие мероприятия не ходят: писать о том, чем недовольны и что волнует людей на площади, им просто не велено.

Вспомним хотя бы президентские выборы 19 марта 2006 года, когда несогласные с их результатами люди собрались на Октябрьской площади в центре Минска. Тогда молодежь, студенты организовали напротив Дворца Республики палаточный городок — требовали отменить результаты выборов и провести повторное голосование. Тысячи минчан каждый вечер приходили на площадь, чтобы поддержать протестующих, приносили теплые вещи, горячую еду. Люди стали называть это место площадью Калиновского. Потому что в рядах повстанцев под предводительством Кастуся Калиновского в 1863 г. было много студентов.

Палаточный городок простоял до 25 марта. Все это время, днем и ночью, информацию о событиях на площади передавали журналисты независимых СМИ. Потом была зачистка, жестокий разгон и хапун. В тот вечер вместе с протестующими в автозаки «упаковали» более 40 журналистов. На служебные удостоверения и бейджи с надписью «Пресса» разъяренные бойцы силовых структур внимания не обращали.

Тогда задержали более 300 человек, изолятор на Окрестина в Минске был переполнен, поэтому часть людей отправили в тюрьму г. Жодино.

В середине апреля, когда все журналисты вышли на свободу, Белорусская ассоциация журналистов решила собрать всех репрессированных коллег, чтобы поддержать и записать их воспоминания. Сначала планировали арендовать для встречи уютное кафе, но не было никакой гарантии, что нас не обвинят в несанкционированном собрании или, как бывало не однажды, откажут в последний момент из-за «лопнувшего трубопровода». Но тут сработали гены детей республики-партизанки: мы решили собраться в лесу. Мероприятие назвали «Посиделки-2006», с юмором, ибо журналистов-сидельцев собралось более 30 человек.

«Посиделки-2006»

Дождь не стал помехой. Нас согревал костер, «фронтовые» 100 граммов и дружеские объятия. Каждый из отсидевших сутки административного ареста подходил к импровизированной стене с решеткой, которую мы назвали Стеной гласности, и делился впечатлениями.

Смех и аплодисменты, как написала тогда в статье Ольга Бабак, вызвал письменный ответ ГУВД Мингорисполкома и столичной прокуратуры на жалобы БАЖ о нарушении прав задержанных журналистов. Цитаты из этого документа зачитал тогдашний заместитель председателя нашей общественной организации Андрей Бастунец. В одном из абзацев, например, говорилось, что в течение суток администрация спецприемника-распределителя на Окрестина сообщила о месте нахождения задержанных их близким, что «материально-бытовые условия их содержания соответствовали установленным нормам» и т.д. Что оказалось очередным враньем.

Татьяна Ванина (журналист-фрилансер, отсидела 7 суток) рассказала, что семья узнала о ее судьбе и местонахождении на третий день после задержания.

Антон Тарас (журналист-фрилансер, 11 суток) сообщил, что первые три ночи в спецприемнике ему с сокамерниками пришлось спать на голых железных нарах. А передачу с продуктами охранники не отдавали так долго, что овощи испортились. Кстати, передачи разрешалось передавать только после решения суда.

Вадим Казначеев (интернет-сайт ОГП, 10 суток) отметил, что его особенно возмутили формулировки в милицейских рапортах, которые озвучили в суде. Лично ему

инкриминировали выкрикивание «антигосударственных» лозунгов типа «Жыве Беларусь!».

«На мой взгляд,— рассказывал журналист,— более патриотичного лозунга в поддержку государства придумать сложно. Я уже не говорю о том, что журналисты никогда не выкрикивают лозунги на подобных акциях».

И смех и грех, но, по информации Вадима, в одном из милицейских рапортов была формулировка: «антигосударственный лозунг “Нет — фашизму!”».

«Кстати, на фоне грязной ругани,— вспоминает Вадим Казначеев,— без которой спецназовцы, судя по всему, обходиться не умеют просто по природе, особенно занятно выглядят приговоры некоторым журналистам, которым эти же матерщинники инкриминировали “нецензурную брань в общественном месте”. К примеру, с подобным “обвинением” отправились за решетку **Вадим Александрович** и **Андрей Дынько**, от которых я грязных слов не слышал никогда в жизни…

В семиместную камеру посадили 21 человека — ровно по трое на одни нары. Подобное было не только в нашей камере: окрестинская тюрьма такого количества арестантов переварить не смогла. Поэтому 186 человек (цифру сообщали по спецназовским рациям) повезли в Жодино, где нас встретила надпись на стене большими красными буквами: “Тюрьма особого режима”».

«Из сталинского наследия»

Этот заголовок взят из статьи Вадима Казначеева, которую он написал для «Абажура» 12 лет назад. Что изменилось за это время, судить нашим читателям и всем, кто следит за раскруткой так называемого «Дела БелТА».

«Что касается персонально моего дела, то была какая-то видимость суда (совершенно, впрочем, минимальная),— вспоминает Вадим.— В отличие от большинства заседаний, которые были закрытыми, в моем случае в кабинет допустили представителей СМИ, правозащитников и адвокатов из Белорусской ассоциации журналистов… Они обратили внимание суда на грубейшие нарушения. К примеру, период времени между задержанием и составлением протокола по закону не должен превышать трех часов — а у меня (как, собственно, и у остальных) он растянулся на 12 часов. В связи с этим защитники указывали на необходимость частного определения суда. Далее юристы, разложив по полочкам многочисленные положения законодательства, объясняли судье очевидную, казалось бы, вещь: журналист имеет право беспрепятственно выполнять свои обязанности, в том числе во время уличных акций.

Однако судье (кстати, полному тезке другого юриста, непреклонного и пропавшего без вести Виктора Гончара) очевидным казалось иное: никто из обвиняемых не должен быть оправдан. Он предпринял вялую попытку вызвать свидетелей-спецназовцев, написавших в рапортах, будто я выкрикивал антигосударственные лозунги… Но когда судье сообщили, что этих спецназовцев уже нет в Минске, оказалось достаточно и их бумажек (где, как водится, на всех обвиняемых был составлен практически одинаковый текст)».

«По закону и по здравому смыслу,— продолжает журналист,— показания заинтересованной

стороны никак не могут становиться решающими: “слово против слова” должно трактоваться исходя из презумпции невиновности. Однако это самое “слово против слова” трактовалось как раз с точностью до наоборот. **Стася Гусакова** из Витебска, отсидевшая в том же Жодино, рассказывала, что, когда она заявила о лживости спецназовских показаний, судья Первомайского района Ольга Шумская сорвалась на крик: “Мы не имеем права не верить сотрудникам правоохранительных органов!” Что и говорить — оригинальное представление о праве».

Одному из сокамерников Вадима Казначеева по Жодинскому СИЗО вместе с продуктами передали и духовную пищу — книгу «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. «В камере эта книга читалась вслух,— вспоминает журналист,— и мы поражались количеству схожих моментов. Нет, никак не случайно белорусский официоз не просто старается обелить Сталина, а поднимает его на щит. В масштабах и жестокости репрессий различия, разумеется, существенные — однако методологически это очень похоже. Чрезвычайное сходство — в отношении к праву как таковому и к каждому отдельно взятому человеку, попавшему в тиски судебной системы».

Вадим Александрович («Белорусы и рынок», 10 суток) отметил, что одним из самых сильных впечатлений для него было достойное поведение и позиция коллег-журналистов, которые сидели за решеткой вместе с ним. «Наверное, я буду всегда вспоминать, как Андрей Дынько, главный редактор “Нашай нівы”, писал ночью при свете луны свои тюремные заметки… Такая преданность профессии не может не вызывать искреннего уважения»,— признался Вадим.

Николай Толстик («Прайм-ТАСС», 15 суток): «Знаете, это были далеко не худшие сутки в моей жизни. Такую концентрацию умных людей редко можно встретить на свободе. Один мой знакомый поляк рассказывал, что во время “Солидарности” каждый уважающий себя “польский пан” отсидел в тюрьме в среднем по 2 месяца. Вот и посчитайте, сколько каждому из нас осталось!..»

Дарья Костенко («Адукацыя і выхаванне», 10 суток): «Когда на площади мы все сели и сцепили руки, мне стало не так страшно. И теперь, когда мы вышли на свободу, у меня осталось чувство, что мы до сих пор в этой “сцепке”, которая уже охватила очень большую часть нации и которая расширяется с каждым днем. Пока мы в этой “сцепке”, нам не страшно…»

С тех пор прошло 12 лет. Совсем молодые в то время журналисты повзрослели, у тех, кто был постарше, прибавилось седины. Однако никто из них не ушел из профессии, не пошел искать тихую гавань в государственных СМИ. Все, кто прошел жестокие испытания, остались в одной сцепке, как сказала Дарья. Не сломленными и непокоренными, чего так долго добиваются «кукловоды», отдающие команды бросать журналистов за решетку.

«Идет охота на волков, идет охота…»

За это время практически ничего не изменилось в политике нашего государства по отношению к свободе слова и соблюдению прав человека. Разве что изменились условия содержания в ИВС на Окрестина, где задержанным или осужденным стали выдавать постельное белье, туалетную бумагу и кусок мыла. И шконки (кровати) там появились. Раньше были только голые дощатые нары и никакого тебе белья. А скудную пайку, которую просовывали в кормушку через день (питание в режиме тюремного карцера), арестантам приходилось хлебать алюминиевыми ложками без ручек. С недавних пор ложки стали выдавать нормальные. Спасибо за это Валерию Алексеевичу Щукину, журналисту и правозащитнику, который отсидел на Окрестина рекордное количество суток и добился-таки, чтобы процесс приема пищи соответствовал званию человека.

Могу сравнивать, потому что в апреле 1996 года сам отбыл восемь суток на окрестинских нарах. И моя супруга только на третий день смогла узнать о моем местонахождении. Хотя неоднократно обращалась в МВД, где ей элементарно лгали, что меня никто не задерживал. После чего она обзвонила все морги и больницы…

Тогда суды в ритме конвейера проходили прямо в приемнике-распределителе, где мне и «прописали» на третий день отсидки трое суток. Вечером я должен был выйти на свободу. И когда уже выходил, то вернулся в дежурку, чтобы передать пачку сигарет сокамерникам. В этот момент раздался телефонный звонок и капитан, изменившись в лице, сказал: «Поступило распоряжение вас задержать снова». И это после решения суда! На следующее утро меня под охраной вооруженного конвоя вывезли в суд Советского района, где судья Зеленко, изменив статью, «выписал» 15 суток. Я указал на лживость милицейских рапортов и на то, что два рапорта на меня были составлены сутками ранее. О чем на каждом из них свидетельствовала дата. На что, естественно, служитель белорусской Фемиды не обратил внимания. Потом была голодовка, угрозы насильственного кормления и много чего еще. На восьмой день (о чудо!) меня выпустили. Не буду распространяться, ибо моя история заслуживает отдельного повествования.

Скажу только одно. Когда я худой и небритый явился домой, мой пятилетний сын спросил: «Папа, ты был в тюрьме?» Оказывается, он тоже переживал, но молчал. И как только догадался, ведь от него все тщательно скрывали. Наверное, выдал мой внешний вид… Я, конечно, соврал, сказав, что вернулся из командировки. Это было 22 года назад. А сегодня сын редактора TUT. BY Анны Калтыгиной спросил у ворот Следственного комитета: «Мама, почему так долго?» Невеселые параллели, которые пролегли через десятилетия. И через наши журналистские судьбы.

Фото из архива «Абажура»

Алесь Липай: «Никто не навяжет нам свои правила»

Ирина ЛЕВШИНА,
www.naviny.by

И вот когда кажется, что хуже уже не бывает, оказывается — бывает.

Умер Алесь. Алесь — умер. Его больше нет. Его больше нет? Есть БелаПАН — нет Липая… Бред. Пытаюсь осмыслить эти слова, но пока не получается.

Алесь Липай — бóльшая часть моей жизни. Мы знакомы с 17 лет, с первого курса журфака, с 1983 года. Если честно, плохо помню его в то время. Тихий, скромный, неприметный деревенский мальчик-поэт. Кто б мне тогда сказал, что спустя девять лет я приду устраиваться к этому мальчику на работу и БелаПАН станет делом всей моей жизни…

Его идея создать первое независимое информагентство в независимой стране была не просто сильной и дерзкой для 25-летнего журналиста, но и очень своевременной. 1991 год. СССР приказал долго жить, люди почувствовали ветер перемен, и официоз БелТА уже не мог никого устраивать. Возник информационный вакуум. Алесь все правильно сделал. И название придумал классное, самое белорусское, в котором все — в точку и все — на своем месте. БелаПАН. Беларускае прыватнае агенцтва навін.

Но создать было не так сложно, как удержать на плаву. В свободные, но безденежные девяностые Липай был и директором, и главным редактором, и репортером, и даже курьером, развозившим по редакциям распечатанные новостные сводки. На общественном транспорте. Он тянул компанию изо всех сил и часто, когда наши подписчики были не в состоянии вовремя рассчитаться, платил нам из своего кармана. И БелаПАН выжил, тогда как другие информагентства, появившееся в то время, не смогли. *«БелаПАН будет всегда. Даже если для этого потребуется уйти в подполье»*,— говорил он мне.

Всему, что умею, я научилась у него. Я мало что могла и понимала, когда пришла в БелаПАН в 1992-м. Затаив дыхание, слушала,

как Алесь Липай — он же Ясь Валошка, первый собкор Радио Свабода в Беларуси — надиктовывал новости по единственному тогда в редакции телефону в Мюнхен (офис РС тогда находился там). Я понимала: вот она — настоящая новостная журналистика. Оперативная, объективная, динамичная, живая.

А еще я училась у него создавать такую атмосферу в редакции, когда на работе — как дома. Свободно, спокойно и комфортно. Когда не страшно сделать ошибку, потому что не ошибается тот, кто не работает. Когда шеф — твой единомышленник, с которым можно поспорить. И ты точно знаешь: случись что — он не только тебя не сдаст, а наоборот, прикроет, отведет удар, и все будет хорошо.

Сейчас хорошо не будет. Будет тяжело, непонятно и бесконечно тоскливо. Нашего Алеся больше нет. По сравнению с этим все ДФРы и следственные комитеты с их расследованиями — ничтожная пыль. Не хочу спекулировать на смерти и раздувать тему «кровавого режима», но это очевидно: стрессы, которые свалились на Липая и на БелаПАН в этом году, здоровья ему не прибавили.

Зато вопреки всему было 25 марта, 100-летие БНР. Красивый праздник в центре города, море бело-красно-белых флагов, весна. БелаПАН — генеральный партнер. Липай светился: «*Ребята, мы должны отработать по полной, потому что это — история!*». А теперь он сам вошел в историю.

«*Извини, что тебе пришлось через это пройти*»,— скажет Алесь 10 августа после моего выхода из ИВС. «*Прекрати, ты здесь причем?*» — «*При том, что я шеф, ты же сама меня так называешь*». А позже он подарит нам с Таней Коровенковой цветы: «*Не волнуйтесь, девочки. Что бы ни случилось, вы будете заниматься тем, чем занимаетесь. Никто нам не помешает. Мы не позволим им навязывать нам свои правила*».

Мы им и правда не позволим, Алесь. Будь спокоен.

ПОВЯЗЬ

На парозе новага стагодзьдзя
стоячы з расхыстанай душой,
трызню я таксама аб свабодзе,
як і прашчур невядомы мой.

Паміж намі ўсталі курганамі
голад, мор, няшчасце і вайна,
разьвялі па часе, разьядналі...
Толькі Беларусь у нас адна.

Ды агулу гэтага даволі,
каб нашчадкі нашы, — покуль дых, —
марылі і мкнуліся да волі,
як і продак невядомы іх.

* * *

Забірае Бог паэтаў год ад году.
Забірае і бязродных, і Народных.
Ды і як іначай? Гэтаму народу
мова продкаў сталася няроднай.

Ён не разумее болей вершаў.
Ён ня памятае словы гімнаў.
І ліцьвінскі неўмiручы вершнік
ў душах люду гэтага загінуў.

Гонар, і каханне, і свабода
перасталі адгукацца ў сэрцах.
Забірае Бог паэтаў у народа,
як ратуюць абразы ад іншаверцаў.

Ніл. Генадзь. Рыгор. Сяргей. Уладзя.
Ян. Якуб. Максім. Аркадзь. Кандраце.
Вы служылі людзям, а ня ўладзе.
Тэрмін службы скончыўся. Прабачце.

…Ну, пара.
Па вечных цёмных водах
сам вяслуючы ў адзенні зрэбным,
забірае Бог паэтаў у народа.
Бо Яму яны яшчэ патрэбны.

НА КАЛЯДЫ

У нябёснай бібліятэцы
Божа перабірае кнігі.
Лёгкія, як аблокі ў рэчцы,
і грувасткія, быццам крыгі.

То пра шчасце. То пра каханне.
То пра гэтыя зьявы разам.
Над каторымі пазяхае,
а ў якой не прапусціць ні сказа.

Байкі. Слоўнікі. Эпапеі.
Казкі. Школьныя сачыненьні…
Душыць сьмех. Вільгатнеюць веі.
Ці ахопліваюць сумненьні.

То – на скруху, а то – на ўцеху:
ёсць балады, камеды, драмы…
Вунь здымае з самага верху
фаліянт пра лёс маёй мамы.

Не пасьпеў яшчэ запыліцца.
Шмат старонак там вольных, здэцца, –
Я малюся: не памыліся,
стаў на тое самае месца!

Я малю, каб ня быў нялоўкі,
беручы зь ніжэйшых палочкаў
сьпеўнік дочкі і размалёўкі
двух малодшых маіх сыночкаў.

І ня раю бяз дай прычыны
захапляцца лірычнай паэмай
пра каханую мной дзяўчыну:
рэўнасць тут – недарэчная тэма!

Перастань – бо я гэта ўведаў –
красьці на самакруткі старонкі
зь Беларускай Энцыклапедыі!
Ейны том і так ужо тонкі.

А калі Табе ўсё ж няймецца
вызваляць на паліцах месца,
ахвяруй лепш маю аповесьць:
што за жанр – вершаваная споведзь!

…Сьветла, а трывожна на сэрцы.
Ноч калядная дагарае…
У нябёснай бібліятэцы
Божа кнігі перабірае.

** * **

Наперадзе – халодная зіма.
Навыперадкі хмары і завеі
даводзяць, што на свеце больш няма
ні сонца, ні спагады, ні надзеі.

Ды мы з табой не паддамося на
ілжывую такую прапаганду,
бо як бы зімна не было, вясна
надыдзе і разгоніць гэту банду.

Дворец Независимости

как символ деградирующего государства

Неоднократно приходилось проезжать мимо Дворца Независимости и всегда в хорошую погоду. Бывает же такое! Чугунная решетка по красоте, пожалуй, не уступает решетке Летнего сада в Петербурге. Она не закрывает вид на ухоженную лужайку, на которой я ни разу не видел ни одного человека. Ни садовника, ни охранника. Как будто мертвая зона. Она мертвая даже для птиц, гарантией чему служат шесть стационарных биоакустических электронных систем и одна мобильная, работающая от аккумулятора и солнечных батарей.

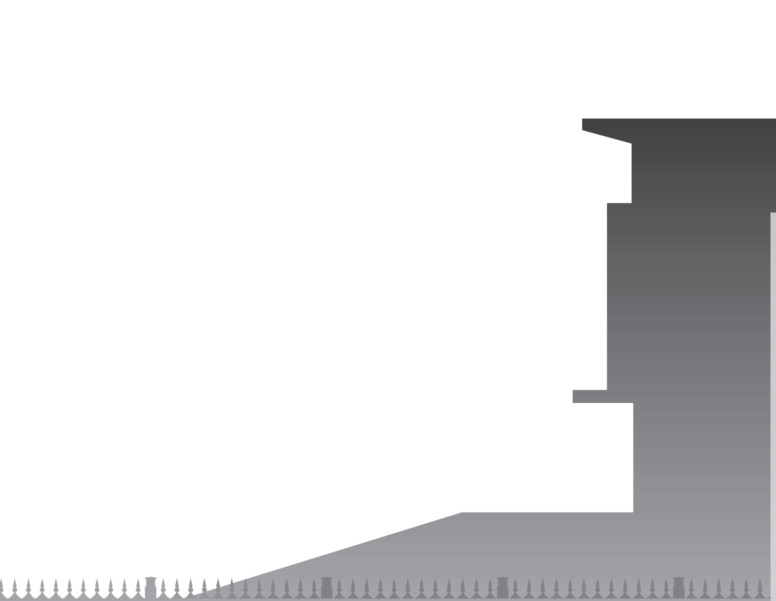
Сергей НИКОЛЮК

Дворец Независимости, однако. Чью независимость и от кого обеспечивают его «оград узор чугунный» и ультрасовременные охранные системы от электронных до рентгеновских?

По признанию хозяина дворца, «Это не резиденция президента. Там, правда, есть один рабочий кабинет для президента, больше там кабинетов нет». Замечательное признание! Лучше сакральный статус первого лица государства и не передать. Какие еще кабинеты могут располагаться рядом с кабинетом пятикратно всенародноизбранного: премьер-министра, председателей палат парламента, главы администрации? Таковых нет.

Площадь Дворца Независимости мне выяснить так и не удалось. Гугл не в курсе. Но счет, безусловно, идет на тысячи квадратных метров, что косвенно подтверждается тендером на три тысячи погонных метров штор для оформления окон этого уникального по любым меркам «предбанника» для одного рабочего кабинета.

Но огромные деньги были потрачены на «предбанник» не зря. Наряду с километрами городских дорог до государственных учреждений они служат напоминанием об особом статусе хозяина Дворца Независимости. Ни один из топ-чиновников больше не может, захватив папочку, по первому звонку заскочить в главный кабинет страны. Требуется, как минимум, заказать автомобиль. Не на общественном же транспорте добираться до цитадели независимости. Так административная рутина обретает статус административного ритуала. Какая свадьба без баяна, а какая сакральная и одновременно народная власть без сложной системы ритуалов и хрустальных люстр от лучших европейских производителей!

Американские президенты со своим Белым домиком отдыхают. Возможно, поэтому они и меняются как перчатки, так как постоянно жить и работать в здании, построенном по нормативам конца XVIII века, — удовольствие ниже среднего.

Параллельные процессы

От дворца-здания, расположенного по адресу проспект Победителей, 12 (со множественным числом в названии проспекта у нас явно поторопились) перейдем к «государству-Дворцу». Есть такая политическая метафора, сконструированная историком Василием Ключевским (1841–1911).

Для постижения метафоры воспользуемся методом доказательства «от противного» и обратимся к ее противоположности — к «государству всеобщей службы», в котором власть первого лица распространяется на всех «без изъятия». В таком государстве все сословия от крестьян до дворян, а в XX веке от колхозников до министров были уравнены… в обязанностях.

Предоставляю слово историку: «Петр действовал деспотически; но, **олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной** (выделено мною.— *С. Н.*), он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства. После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна из другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах».

После Петра немецкие правители превратили преобразованную Петром Россию «в торговую лавку, даже в вертеп разбойников». А это и есть «государство-Дворец». Оно возникает как результат раскрепощения (эмансипации) «элит» от деспотизма верховной власти, ее обособления от остального населения в привилегированное сословие, подчинения государственной идеи сословным интересам, т.е. фактической приватизации узкой группой лиц государства.

Позволю себе еще одну цитату из классика: «Законным преемникам Петра… была недоступна его государственная идея… Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре».

«Государство-Дворец» заинтересовано в обогащении тех, кто его выстроил. Иных заинтересованностей у него нет. Как это происходит на практике белорусам понять несложно. Для этого достаточно повернуться лицом к «нашей России» с ее шубохранилищами в подмосковных дворцах государственных чиновников.

Постсоветский вариант российского «государства-Дворца» есть результат трансформации сталинского «государства всеобщей службы». Основу ее составили два параллельных процесса: бегство граждан от государства и бегство государства от граждан. Оба процесса стартовали одновременно после смерти «отца народов», но позу, характерную для спринтеров, народ и элиты приняли задолго до 5 марта 1953 года (день смерти Сталина).

Ослабление репрессий позволило населению минимизировать свои связи с государством (прежде всего требующих исполнения социальных обязательств — уплаты налогов, службы в армии и т.п.) и создать «теневые» ниши для обустройства личной жизни.

Одновременно государство получило возможность приступить к сворачиванию своих социальных обязательств и к замыканию в себе и для себя. Логичным завершением замыкания и стал «Дворец». При этом вопросы экономической модернизации и идеологии, ядро которой составляло распределение ресурсов по принципу «от каждого по способности, каждому по труду», отошли на задний план.

Население такое поведение государства восприняло как его неэффективность, как неспособность и нежелание исполнять свои обязательства.

Важно подчеркнуть, что «государство-Дворец» не следует рассматривать в качестве отклонения от нормального государства (советского «общенародного» или западного правового и т.д.). Это вполне самостоятельная форма, корни которой теряются в глубине веков, поэтому многочисленные попытки его *исправить*, неоднократно принимавшиеся в истории, так ни разу к успеху и не привели.

Нам повезло

Но мы живем в Республике Беларусь, а не в Российской Федерации. Насколько описанная выше трансформация сталинского государства «всеобщей службы» в «государство-Дворец» затронула и нас?

Как нельзя жить в обществе и быть от него свободным, так невозможно быть частью российской цивилизации и не ощутить на себе ее культурного влияния. Для тех, кто сомневается в такой цивилизационной принадлежности Беларуси, процитирую классика цивилизационного анализа Самюэля Хантингтона: «Цивилизации — это самое большое "мы", где человек чувствует себя в культурном отношении дома, и одновременно то, что отделяет нас от всех "них" — тех, что вовне».

По данным многолетних опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), доля респондентов, согласных с тем, что белорусы, русские и украинцы являются тремя ветвями одного народа, составляет две трети населения. Вот такая цивилизационная реальность. Сторонникам европейского выбора она может не нравиться. Они могут находить тысячи конкретных отличий между белорусами и русскими и в каждом конкретном случае будут при этом правы. Однако восприятие границ самого большого «мы», простирающихся от Калининграда до Владивостока, для двух третей населения республики-партизанки это не отменит.

То, что сегодня принято называть «лихими девяностыми», в рамках изложенной выше теоретической модели следует рассматривать в качестве ключевого этапа перехода от обломков советского «государства всеобщей службы» к «государству-Дворцу». Чаша сия не миновала и Беларусь.

Но в 1994 году процесс строительства был заморожен. Каким образом удалось остановить то, что определялось естественных ходом истории? По мнению академика Анатолия Рубинова, чисто случайно, в результате банального везения: «Нам повезло в том, что в самом начале нашего государственного строительства страну возглавил А. Г. Лукашенко — талантливый самородок из народа, который интуитивно нащупал самые эффективные и безболезненные пути нашего развития, сумел сплотить народ, выстроить систему управления государством, направил усилия всех и каждого на решение самых главных, жизненно важных задач. И мы видим сегодня результаты, видим, какого расцвета достигла наша страна, как изменились наши города и села, развились экономика, медицина, наука, образование, искусство, спорт».

Спору нет, белорусское государство стало реальностью, к сожалению, далеко не для всех белорусов, о чем свидетельствует таблица.

Судя по тому, что только 30% белорусов воспринимают государство как свое без каких-либо оговорок, по факту получился паллиатив. Эдакий гибрид «государства всеобщей службы» и «государства-Дворца».

Динамичный гибрид

Чтобы выпендриваться, крылья надо иметь. С народной мудростью не поспоришь. Для строительства шубохранилищ требуются ресурсы. Вариантов их получения всего два: современная эффективная экономика или природная рента. Российской элите повезло, Бог ее рентой (в первую очередь нефтегазовой) не обидел. По итогам 2017 года доля прямых и косвенных налогов от продажи сырья в федеральном бюджете составила 86,5%.

С каким из следующих утверждений о белорусском государстве, построенном при президенте А. Лукашенко, Вы бы согласились?

Вариант ответа	%
Это мое государство, оно защищает мои интересы	30
Это лишь отчасти мое государство, оно недостаточно защищает интересы таких, как я	47
Это не мое государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	15
ЗО/НО	8

НИСЭПИ, июнь 2016

Страна с такой структурой доходов — типичный пример *petrol state* (нефтяное государство). Никакой иной роли, кроме роли сырьевого придатка, в современном динамично развивающемся мире она играть не в состоянии, что не мешает отдельным ее представителям фигурировать в списке журнала «*Forbes*».

В 2017 году среди 2043 миллиардеров каждый десятый был россиянином, что в три раза превысило долю российской экономики в мировой (3,16%).

Обилие ренты порождает «нефтяное проклятие». Прокомментирую его негативные последствия для национальных экономик высказыванием экономиста Андрея Мовчана: «Мы видим общие закономерности среди богатых ресурсами стран, в частности, это неэффективность использования ресурсов, институтов и перекос в сторону ресурсного бизнеса при деградации бизнеса нересурсного. Объяснения очень простые: когда ресурсный бизнес может платить ненормальную маржу и собственникам, и работникам, нересурсный бизнес не может конкурировать».

Белорусская модель значительную долю своих доходов также получает за счет природной ренты, но не своей, а российской. Добывая в год около 1,5 млн тонн собственной нефти, республика-партизанка перерабатывает на двух своих НПЗ 24 млн тонн, получаемых из России по льготным ценам.

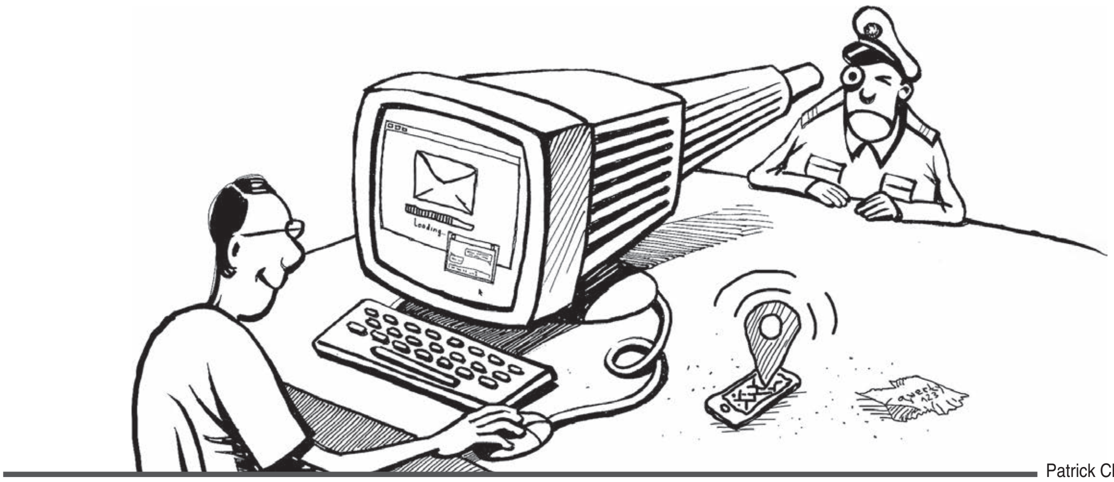
Вот и приходится главе белорусского государства регулярно выступать в роли просителя перед своим российским коллегой. Наличие единственного кабинета во Дворце Независимости создает идеальные условия для репетиций, но в такой позе удержать власть в «государстве-Дворце» сложно. Требуется постоянно искать дополнительные, главным образом внутренние, источники ресурсов. Отсюда постоянная концентрация усилий Лукашенко на экономике как на главном факторе поддержания социально-политической стабильности в стране.

Таким образом, можно констатировать дивергенцию (расхождение) векторов государственного строительства среди соучредителей Союзного государства. Модель «государства-Дворца» в Беларуси нежизнеспособна, но и возврат к сталинскому варианту «государства служивых людей» в современных условиях невозможен.

У значительной части белорусов представления о нормах потребления сформировались на европейском уровне, а у высшего эшелона управленческой «элиты» — на уровне их российских коллег. При этом как общество, так и «элиты» не желают быть уравнены в обязанностях.

На практике получился динамичный гибрид, вобравший в себя недостатки двух моделей. Без постоянных усилий со стороны персонификатора авторитарной власти его не удержать. Самые яркие примеры таких усилий за последнее время — борьба с «тунеядцами», «дело врачей» и кадровые перестановки в правительстве, спровоцированные увиденным во время поездки Лукашенко в Оршу.

Но какие бы усилия по удержанию гибрида в разумных рамках ни принимались, шансов на окончательную победу практически нет. Время, когда представители «элиты» и общества подобно герою «Горя от ума» руководствовались принципом «Служить бы рад, прислуживаться тошно», навсегда осталось в прошлом. Желающих прислуживаться сегодня полно, а вот желающих искренне служить главному архитектору «государства для народа» и днем с огнем не найти.

Patrick Chappatte

Как читают вашу онлайн-переписку и что с этим делать

Обзор полезных приложений, советы

Анна ЛЮБАКОВА,
www.baj.by

«Дело БелТА» показало, что любое слово из вашей личной переписки или телефонного разговора может стать поводом для возбуждения уголовного дела. Если вы не заботитесь об информационной безопасности, значит, ставите под угрозу свою репутацию или даже свободу. И не только свою.

Прийти с обыском могут в любую редакцию, даже если вы пишете о культуре или недвижимости. Приехать могут на вашу дачу во время отпуска, забрать не только ваш компьютер, но и технику членов вашей семьи. Из ваших личных переписок можно узнать, чем вы занимаетесь в данный момент, с кем будете встречаться и куда собираетесь ехать.

Даже если вы не хакер и не шпион

Представьте, что ваш источник на условиях анонимности переслал на ваш *e-mail* конфиденциальную информацию о местном чиновнике. Поскольку шифровать эту переписку вам не хотелось, третьи лица смогли перехватить сообщение и получили два типа информации: установили личность информатора и содержание вашей переписки.

Что может угрожать вашему источнику? А вам?

Кроме органов госбезопасности интересоваться вашими данными могут сотрудники милиции, маркетологи, конкуренты, хакеры и злоумышленники.

Если вы журналист, правозащитник, блогер или гражданский активист, вы тем более находитесь в группе риска.

Есть много инструментов обезопасить коммуникацию, но, чтобы правильно их выбрать, сначала нужно оценить возможные угрозы и последствия. Полагайтесь на то, что вам уже известно.

- Во-первых, ответьте на вопрос, **что** вы хотите защитить? Назовем это вашим ресурсом. В вашей квартире это могут быть фамильные драгоценности или важные документы, а в вашем почтовом ящике — конфиденциальная информация, фотографии или финансовые отчеты.

- **От кого** вам нужно защитить ваш ресурс? Это могут быть воры, соседи, хакеры, конкуренты или люди, которые пришли с обыском.

- **Что случится**, если вы не сможете это защитить? Задайте себе такие вопросы: есть ли у меня копия и смогу ли я заменить исчезнувшие вещи или информацию? Навредит ли мне их пропажа? А моим близким или коллегам?

- **Какова вероятность** того, что вам придется это защищать? Есть ли в районе, где вы живете, история взломов? Случалось ли это с другими людьми, которые занимаются похожей деятельностью? Какими техниками владеют те, кто не должен получить вашу информацию, на что они способны?

- **На что вы готовы пойти**, чтобы предотвратить потенциальные последствия? Есть ли у вас возможность купить дорогой замок или сигнализацию? Хотите ли вы специальный сейф для документов? Нужно ли вам установить новую аппликацию, которая шифрует все ваши сообщения?

Эксперты по информационной безопасности называют это моделированием угроз и оценкой риска *(threat modelling and risk assessment)*. Эти пять универсальных вопросов помогут вам определить, что именно и как вам следует защищать.

Как читают вашу почту

Во время обыска по «делу БелТА» владелец одного крупного портала написал, что его корпоративную почту скопировали и, скорее всего, всю рабочую переписку прочли.

Доступ к вашей электронной почте не так сложно получить и без конфискации вашей техники. Вся незашифрованная электронная переписка обычно открыто передается по цепочке серверов. Перед тем как попасть к адресату, ее сначала получает ваш интернет-провайдер, затем сервер вашего *e-mail*, провайдер вашего адресата и так далее. На любом участке пути письмо можно перехватить.

Большинство популярных почтовых служб обеспечивают безопасный доступ к вашему аккаунту, но подразумевает это в основном только то, что надежно защищен ваш пароль, а не сама переписка.

Некоторые почтовые системы и вовсе указывают IP-адрес вашего компьютера в отправленных письмах. (По IP-адресу можно узнать, где вы находитесь, что также может угрожать вашей безопасности.) В **Gmail** ваш IP-адрес засекречен, но, как известно, **Google** сканирует и сохраняет вашу коммуникацию, а также может раскрыть ваши данные властям.

Защитить вашу переписку от посторонних возможно. Что нужно сделать? Можно зарегистрироваться в почтовой службе RiseUP**.** Вся ваша переписка, адреса, резервные копии, дата последнего входа в почтовый ящик шифруются, как и все данные на серверах этой компании и коммуникация между ними. Эта почтовая служба предоставляет бесплатную лицензию, но с рядом условий.

ProtonMail и *Tutanota* — это безопасные почтовые службы, которые по умолчанию шифруют ваши сообщения. Конечно, только в том

случае, если служба вашего адресата тоже шифрует письма автоматически. Минус — пользование этими безопасными, но менее популярными ящиками уже может вызвать подозрение и привлечь лишнее внимание.

Несколько советов при выборе почтовой службы.

- Использует ли она шифрованные каналы связи (**https://** — буква **s** как раз говорит о том, что это соединение безопасно, то есть ваши пароли засекречены).
- Возможно ли, что третье лицо получит доступ к вашим данным через серверы *e-mail*?
- Где географически находятся серверы и законам какой страны они подчиняются?

Скорее всего, вашу переписку сканирует почтовая служба для обеспечения работы спам-фильтров. Gmail же использует полученную информацию в целях маркетинга, что также может предоставлять угрозу, если доступ к вашим данным получат третьи лица. Сканировать незашифрованные сообщения могут и правительства через интернет-провайдера или национальный шлюз.

Настроить же программу для сканирования можно на такие фразы, как «права человека», «свобода слова» или «Дзень Волі». Сообщения с такими фразами могут быть отфильтрованы, заблокированы и не дойти до адресата. Личность отправителя тоже легко установить.

Как легко шифровать переписку

Шифровать переписку вы можете, используя вашу обычную почту через так называемую криптографию открытого ключа. Таким образом, содержание вашего *e-mail* будет скрыто еще до отправки, поэтому ни один из первичных «получателей» (интернет-провайдер, администратор сервера и т.д.) не сможет его прочитать.

Механизм действия достаточно прост: у вас есть минимум два ключа, которые работают только в паре: открытый ключ, которым вы можете делиться с каждым, а также закрытый ключ, который не должен знать никто, кроме вас. Чтобы прислать вам зашифрованное письмо отправитель должен знать ваш открытый ключ (*public key*). Письмо вы расшифруете вашим закрытым ключом (*private key*).

Чтобы понять, как работает шифрование, вы можете начать использовать расширение *Mailvelope*, которое подходит для работы с такими популярными почтовыми клиентами, как *Gmail*. После добавления расширения к вашему браузеру вы сможете генерировать ваш секретный и открытый ключи, обмениваться ключами других людей и шифровать, шифровать, шифровать. Это очень легкий и удобный инструмент, интегрирование которого займет немного времени. Минус — тема вашего письма будет видна, шифруется только само содержание переписки.

Есть и более громоздкий, но в перспективе более удобный способ использовать шифрование. Вы можете установить *Thunderbird* — это бесплатный почтовый клиент с открытым кодом, в котором можно работать без использования браузера. Для того чтобы шифровать письма в этом клиенте, нужно установить расширение ***Enigmail***, которое доступно в настройках *Thunderbird*. Если у вас еще нет пары ключей для шифрования, вы можете создать их прямо в *Enigmail*. Если вы уже создали ключи через другие расширения или программы (например, *Mailvelope, GPG Suite* (подходит для *MacOS*) или *Gpg4win*, который подходит для *Windows*), их можно импортировать в *Enigmail*. Подробное и понятное руководство по установке Thunderbird можно найти по адресу: *https://securityinabox.org*.

С помощью этих инструментов вы можете создать свою цифровую подпись *(digital signature)*, а также сверить подписи других отправителей. Не путайте с классической подписью, которую вы устанавливаете в обычных

настройках вашего ящика. Цифровая подпись поможет понять, не подделал ли отправитель электронный адрес знакомого вам человека или организации.

Альтернативные почтовые клиенты или похожие инструменты с возможностью шифрования: *Evolution, Sylpheed*, *Claws Mail, MailPile, OpenKeychain* (доступно для *Android*).

Безопасны ли Skype, Viber и другие мессенджеры?

На днях *Microsoft* наконец-то добавил в ***Skype*** безопасное шифрование *end-to-end*, или сквозное. Новость хороша тем, что теперь сообщения отправляются от адресата к получателю минуя сервера, которые можно взломать. Эта функция называется *Private Conversations*. Она введена в партнерстве с мобильным мессенджером *Signal*.

Бессмертный *Skype*, который до сих пор остается одной из самых популярных площадок для обмена сообщениями и звонками, и раньше использовал шифрование, но не *end-to-end*. Но даже несмотря на новую безопасную функцию тайных разговоров, сам *Skype* — это программа с закрытым кодом, а это значит, что мы не можем проверить, каким образом разработчики гарантируют защиту коммуникаций. Например, некоторое время назад в Китае переписку в локальной версии *TOM-Skype* можно было отслеживать и фильтровать.

Signal — один из самых безопасных мессенджеров по версии Эдварда Сноудена. Это мобильное приложение использует шифрование вида *end-to-end* и является бесплатным проектом с открытым кодом *(open source)*. Мессенджер имеет также десктопную версию и такую функцию, как исчезающие сообщения (например, сразу же после прочтения). Протоколом *Signal* пользуются, кстати, ***WhatsApp***, ***Facebook Messenger*** и ***Google Allo***. Два последних мессенджера, правда, не добавляют функцию шифрования по умолчанию, но в опциях она доступна.

Популярный в Беларуси *Viber* также использует полноценное сквозное шифрование, которое отличается от того, что использует *Signal*. Разработчики белорусско-израильского мессенджера говорят, что написали эту реализацию алгоритма с нуля.

В популярном в России *Telegram* сквозное шифрование используется только в тайных разговорах (*secret chats*). Ваша обычная переписка не шифруется по умолчанию.

Wire — *open source* альтернатива для *Skype* и других программ. Все ваши чаты, видео- и аудиоконференции, звонки и файлы будут защищены *end-to-end*-шифрованием. Вы также можете создать несколько аккаунтов в одной аппликации. Например, рабочий и личный. Исходный код *Wire* доступен на *GitHub*, где каждый может его проверить, модифицировать или улучшить.

Хорошим вариантом может быть также *Jitsi* — еще один проект с открытым кодом. Плюсом этих мессенджеров является то, что вы не обязаны регистрировать в программе свой телефонный номер, по которому вас можно идентифицировать.

Отличие проекта с открытым кодом *(open source)* от программы с закрытым кодом: пользователь может проверить, нет ли лазеек, ошибок и проблем с безопасностью. Во втором случае приходится верить разработчикам на слово.

Еще несколько советов для защиты вашей онлайн-переписки.

- Помните, что не все прикрепленные файлы и ссылки стоит открывать. Особенно если это письма и сообщения от незнакомых людей или организаций. Даже если это файлы *Word*, архивы или картинки. Ваш отправитель может маскироваться под легальную организацию или человека, которого вы знаете. Вряд ли этот пресс-релиз настолько важен, что вы хотите рисковать безопасностью вашего компьютера.

- Если вы все же считаете, что в прикрепленном файле может быть нужная информация, это легко проверить. Сообщите отправителю, что файл поврежден и попросите переслать его

обычным вклеенным текстом в письме. Если это большой файл, его также можно опубликовать на Google-диске и прислать вам ссылку. Если у вашего отправителя нет намерений заразить ваш компьютер вирусом или выудить полезную информацию *(phishing)*, он, скорее всего, пойдет вам навстречу.

- Старайтесь не заполнять анкет через e-mail или делиться вашими персональными данными с людьми, которым вы не доверяете, даже если вам обещают крупный выигрыш или поездку на конференцию.

- Создавая почтовый ящик, вы можете указать ненастоящие имя и фамилию, а также придумать адрес e-mail, который не позволит вас идентифицировать.

- Ваш почтовый провайдер может использовать спам-фильтры, которые могут удалять или блокировать нужные письма. Проверьте, есть ли у вашей электронной почты внешние «черные списки» и можно ли их отключить. Старайтесь не использовать ключевых слов, которые могут быть отфильтрованы (например, «права человека», «свобода слова»).

- Помните, что обычная почта, городской телефон и мобильная связь также не могут обеспечить безопасность, если вы находитесь под пристальным вниманием. **SMS-сообщения особенно легко перехватываются, а по вашему мобильному телефону можно проследить за вашим передвижением.** Если вы подозреваете, что за вами установили слежку, вы можете посылать сообщения через кодовые слова, придумать, как не называть настоящих мест, названий или имен, а также раздобыть *sim*-карту, зарегистрированную не на ваше имя.

- Если это возможно, не подключайтесь к публичному (открытому) *Wi-Fi*. Пароли, банковские данные или вашу переписку легко получить.

- И еще раз: старайтесь заходить на сайты только с использованием защищенного протокола (**https://**), где буква **s** в адресной строке вашего браузера говорит о том, что соединение безопасно. Если ее нет, все ваши пароли могут оказаться в открытом доступе для тех, кто захочет их получить.

- **Шифрование и коммуникация через безопасные мессенджеры работают только тогда, когда их используют обе стороны.** Ваша безопасность зависит не только от вас, поэтому уговаривайте, объясняйте и ставьте ультиматумы.

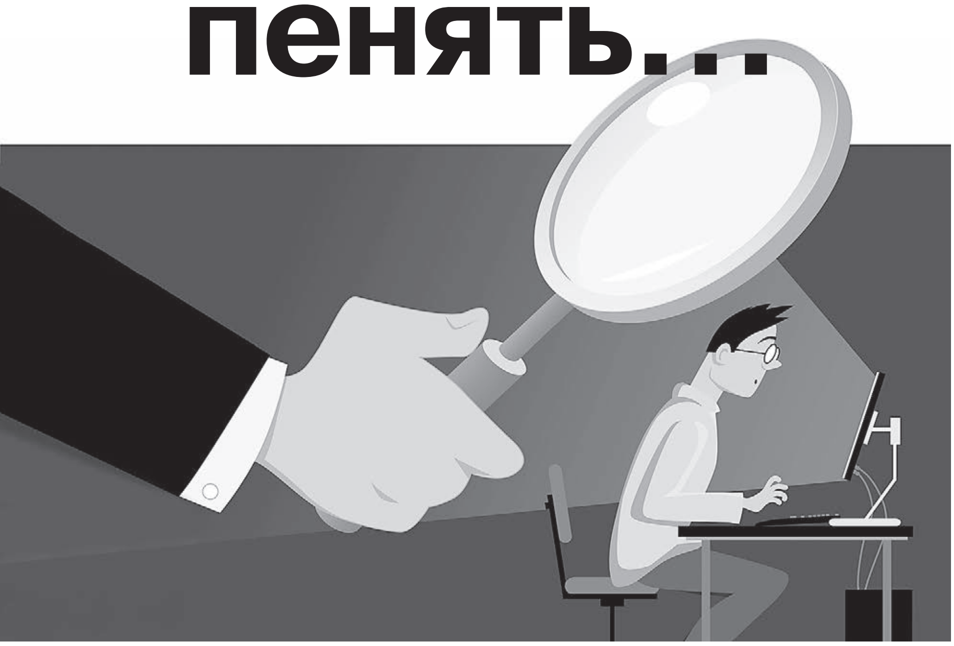
- Советы по информационной безопасности также устаревают, потому что появляются новые инструменты слежки и защиты от нее. Но шифрование — это один из самых верных, надежных и доступных нам инструментов, который защищает нашу коммуникацию.

Зачем нам все это? Потому что мы закрываем двери на замок, вешаем шторы на окнах, не публикуем свои паспортные данные, пароли и пин-код от банковской карточки. Мы считаем нормальным и разумным защитить себя и своих близких, а также заботимся о своей приватности и праве на частную жизнь. Безопасность нашей коммуникации и каналов связи — это тоже защита нашей личной или конфиденциальной информации, нашей анонимности, а иногда и свободы.

Неча на зеркало пенять…

Инга ВОЙТОВИЧ

Идентификация пользователей — это медаль, имеющая две стороны, одну из которых условно назовем идеологической, а вторую — технической.

Даже не очень продвинутые пользователи знают, что анонимность в интернете — миф. Если что, специально обученные люди вычислят в два счета. Кроме того, и сейчас практически на всех сайтах комментаторы регистрируются через соцсети или электронную почту, имея возможность придумать ник для форума. Однако пока все это в добровольном порядке, без оговорки о согласии на сбор, обработку и хранение данных комментатора. Когда же человек может безо всякой регистрации поделиться своим мнением о теме публикации, у него создается иллюзия анонимности и свободы. Этим люди и пользовались, когда более-менее откровенно высказывались, спорили на форумах разных изданий или просто перемывали косточки «бомонду».

Эту песню не задушишь, не убьешь

Например, я была поклонницей рубрики «Спор-площадка» в газете «Беларусь сегодня». До тех пор пока в издании не закрыли комментарии. Именно по ним, по обратной связи с читателями было видно, что газету читают, некоторые темы задевают за живое и люди делятся своим мнением. А для журналиста толковый комментарий читателя — подсказка новой темы. К слову, иногда там появлялись и критические высказывания, и это был весьма крутой козырь, мол, у нас отличное от официального мнение можно высказать даже на сайте главной газеты.

Пока еще читательские комментарии отражают реальное настроение в обществе. И идентификация пользователей, безусловно, поспособствует тиши и благодати на форумах. Кто от этого выиграет? Точно не читатели и не власти. Если кто-то думает, что после идентификации станет меньше посетителей популярных негосударственных сайтов, то ошибается. Ведь, например, на *gazetaby.com* или *naviny.by* основная масса читателей заходит не для того, чтобы отметиться на форуме, а ради контента. Журналистам негосударственных изданий приходится искать интересные темы, генерировать идеи, потому что только так они могут

привлечь читателя. Журналисты частных изданий лучше ориентируются в востребованных темах, так что без читателей они не останутся. А форумы уйдут на иностранные площадки, а вместе с ними и некая часть имиджа Беларуси как страны, уважающей свободу слова. Кстати, гарантированную Конституцией.

Берегись «уклониста»

Нет смысла вдаваться в технические подробности, о них уже сто раз написано. Однако коснемся нескольких острых моментов.

Предлагается идентификация по номеру телефона, при этом оговаривается, что сам форумчанин должен будет следить за тем, чтобы третье лицо не воспользовалось его учетной записью. Простите, это как? Вот лично я не собираюсь регистрироваться, но мой номер телефона, адрес, фамилия, имя-отчество известны, увы, очень многим людям: от работников интернет-магазинов до поликлиники. У меня есть гарантия, что кто-то из них не воспользуется моими данными или чьими-то еще, чтобы не зарегистрироваться на неком сомнительном сайте? А потом будут с этой учетной записью заходить через анонимайзеры и оставлять комментарии. И вот докажи, что ты не верблюд. Мы же знаем, что теперь иногда безбилетники сообщают контролерам данные чужих паспортов, а тут всего-то номер мобильника. Так что система не только жесткая, но и далекая от совершенства.

Если человек захочет уклониться от идентификации, он может зарегистрироваться, получив каким-либо способом, включая обманный телефон у асоциальных элементов. Или же далеких от всех этих интернет-страстей пожилых людей.

Не то чтобы сегодня, а уже очень давно сотрудники управления «К» МВД Беларуси находят тех, кто отставляет оскорбительные комментарии, пользуется чужими учетными записями. Сейчас, похоже, им работы добавится, хотя вычисление «уклониста» от регистрации будет отвлекать киберсыщиков от более важных задач.

И последнее. Если, как пишут эксперты, власти боятся, что комментарии-форумы смогут стать неким организатором протестных выступлений, то зря… Самые массовые выступления рабочих в Минске состоялись не то что в доинтернетную эпоху, но даже без мобильных телефонов.

Поголовная индентификация ничего не решит

Своим мнением по поводу предлагаемой идентификации комментаторов я попросила поделиться подполковника милиции в отставке Олега Слепченко. В свое время он служил пресс-секретарем ГУВД Минска, заместителем начальника управления информации и общественных связей МВД Беларуси, затем — в управлении «К» министерства. С одной стороны, это человек, который по долгу службы должен был как-то реагировать на негативные комментарии о деятельности ведомства. К слову, многим коллегам он запомнился как офицер, не боящийся открытой полемики. С другой стороны, сотрудники управления «К» никогда не скрывали, что злоумышленников, обитающих на белорусских интернет-площадках, не так трудно вычислить. А вот на иностранных полях они могут «потеряться» навсегда.

— Идентификация пользователя в сети интернет со всеми его уловками (как-то проксисервер или анонимайзер) — вопрос времени, международных связей между специализированными подразделениями силовых структур и профессионализма их сотрудников. Однако это то, что касается поиска предполагаемых преступников,— говорит Олег Слепченко.— А вот все, что обсуждается сегодня на различных белорусских площадках, уже касается, так сказать, матерщинников и крамольников. Конечно, я утрирую, но, на мой взгляд, поголовная идентификация ничего не решит, разве что отпугнет белорусскую блогосферу, переместит ее на иностранные площадки, где и продолжатся словесные баталии. Бороться с безответственными заявлениями и оскорблениями в интернете надо. Но как? Здесь не может быть простых решений! Сначала надо принять закон о сохранении личных данных, который должен давать гарантии сохранности этих безусловно важных сведений, правил их получения, сохранения, ответственности владельцев интернет-площадок, где происходит идентификация пользователей и т.д. Одним словом, нужно дать этому «скелету» обрасти мяском, а тогда уж… В конце концов те серьезные издания, которые своими материалами провоцируют читателя на словесный «батл», могут потребовать изначально от своих читателей, форумчан выступать под своими именами и фамилиями. Это вопрос форумной этики и правильной модерации.

Зварот Святланы Алексіевіч

да ўдзельнікаў паэтычных чытанняў «Ноч расстраляных паэтаў», якія прайшлі 29 кастрычніка ва ўрочышчы Курапаты

Некалькі стагоддзяў наш нацыянальны дух знішчалі самым варварскім спосабам, асабліва ў сталінскі час – вынішчалі эліту: літаратараў, навукоўцаў, сельскую інтэлігенцыю. Чорныя зеўраючыя дзіркі павінны былі б паглынуць нас. Але насуперак ім у нас свая краіна, свая мова. Мы жывыя! У пустэчах, якія ўтварыліся, кожны з нас павінен узяць на сябе частку працы зніклых. Прыйдзе час, і мы пройдзем па слядах сталінскіх злачынстваў і паставім там помнікі.

Курапаты – гэта сімвал нашай памяці. Сёння нам патрэбныя гэтыя апоры, каб выстаяць у глухія цёмныя часы, калі матэрыяльнасць і страх перамаглі дух. Хлусня перамагла праўду. Здрада перамагла пачуццё нацыянальнага шляху.

У гэтую ноч на гэтым месцы павінны былі б быць тысячы і тысячы людзей, але нас не так шмат, як хацелася б – мінулае для многіх яшчэ ўтоена ў змроку хлусні і спажывецтва. Банальная рэч, калі чуеш такія апраўданні, як: я не магу рызыкаваць сваёй працай, сваім поспехам, мяне сістэма тут жа выкіне за борт, а як і за што карміць і вучыць дзяцей.

Аднак нацыянальны дух нельга перавесці ў грошы або кар’еру. Калі-небудзь дзеці спытаюць сваіх бацькоў: «А дзе наша Беларусь? Дзе наш час? Дзе наша беларуская гісторыя?»

Я не веру, што чалавечае жыццё знікае бясследна. Тут нас атачаюць цені найлепшых нашых продкаў. Пакута – гэта таксама форма ведаў. Нашы продкі, чыё дыханне развеянае тут, вучаць нас адрозніваць годнасць ад здрады, будучыню ад мінулага. Тут мы вучымся рабіць выбар – уверх, як людзі сваёй зямлі, ці ўніз – у манкурцтва.

Лепшае, што мы можам сказаць сёння – гэта чытаць вершы. Я веру, што гэтую мову чуюць і там, уверсе, у іншым свеце.

Вучымся быць беларусамі!

